

Министерство просвещения Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

Институт иностранных языков
Кафедра профессионально-ориентированного
языкового образования

С. М. ТИЛЛОЕВА

**Переводческие аспекты
сопоставительного изучения лексики
(на материале разноструктурных языков)**

Монография

Екатеринбург 2023

УДК 81'25
ББК Ш118
Т40

Рекомендовано Ученым советом федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный педагогический университет» в качестве научного издания (Решение № 89 от 30.10.2023)

Научный редактор

ведущий научный сотрудник, кандидат филологических наук
С. Д. Холматова (отдел словарей Института языка и литературы им. А. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан)

Рецензент:

доцент кафедры иностранных языков УРФУ Е. В. Чусовитина

Тиллоева, С. М.

Т40 Переводческие аспекты сопоставительного изучения лексики (на материале разноструктурных языков) : монография / С. М. Тиллоева ; Уральский государственный педагогический университет. — Электрон. дан. — Екатеринбург : УрГПУ, 2023. — 1 CD-ROM. — Текст : электронный.

ISBN 978-5-7186-2207-2

Сопоставительное изучение языков приобрело особую актуальность в связи с важнейшими практическими задачами, стоящим перед языкознанием: создание лингвистической базы для теории и практики перевода, эффективное обучение иностранным языкам. Проблемы достижения переводческой эквивалентности рассматриваются на материале русской и таджикско-персидской художественной литературы. Также используется материал германских языков. Особое внимание уделяется важности учета существующих в каждом языке лексико-семантических полей, трудностям при переводе контекстуальных синонимов в художественном тексте.

УДК 81'25
ББК Ш118

ISBN 978-5-7186-2207-2

© Тиллоева С. М., 2023
© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Лексикографический аспект перевода.....	3
2. Контекстуальная синонимия в художественном тексте.....	21
3. Лингвокультурный аспект изучения синонимии	38
4. Стилистическая значимость семантического взаимодействия имен в художественном тексте.....	101
5. Основные возможности передачи слова как лексической единицы.....	115
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	132
БИБЛИОГРАФИЯ	136
Литературные источники	147

1. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА

Современный этап развития лингвистики характеризуется повышенным интересом к сопоставительным интересам на разных уровнях, с различным объёмом исследуемого материала и, соответственно, с разными целями и задачами. Сопоставительное изучение языков приобрело особую актуальность в связи с важнейшими практическими задачами, стоящим перед языкознанием: создание лингвистической базы для теории и практики перевода, эффективное обучение иностранным языкам и некоторые другие [Меленчук 1977: 3, Чернышева 1983: 4, Ярцева 1981.].

При сопоставлении лексических единиц двух языков совершенствуются наши знания каждого из этих языков в отдельности, так как многие специфические особенности языка эксплицируются только при сравнении. Поэтому очевидно, что лингвистическая теория перевода может быть успешно разработана только в том случае, если предварительно будут вскрыты и описаны черты сходства и разли-

чия двух языков, составляющих переводческую пару, т.е. исходящего языка (ИЯ) и языка перевода (ПЯ) [Бархударов 1972: 66].

В сопоставительной лингвистике к настоящему времени наметились две тенденции: сопоставлении отдельных соотносительных по семантике слов двух языков и сопоставлении целых лексико-семантических групп слов [Амелькина 1973:7].

В исследованиях первого рода проводится анализ отдельного слова, которое служит исходным пунктом и конечной целью анализа. В ходе анализа для сопоставления привлекаются другие словарные единицы — синонимы, антонимы, но эти связи не стоят в центре внимания: их прослеживание носит вспомогательный характер. Цель исследований второго рода — рассмотрение группы слов: анализ начинается с вычленения соотносительных лексико-семантических групп слов, затем исследуются члены этих групп во взаимном внутриязыковом и межъязыковом сопоставлении. Целью анализа является выяснение структурно семантических отличий отдельных слов, а также состава лексико-семантических групп слов двух языков.

Соотносительные слова двух языков могут рассматриваться в качестве потенциальных эквивалентов. Термином «эквивалент» условно характеризуется определённого типа соответствия между словами двух языков, а не их абсолютная разновидность и «равнофункциональность». Эквивалентность слов показывает их соотносительность, возможность, «переводимости» с языка на язык и вместе с тем не снимает и не затушевывает национального своеобразия лексики разных языков

Путь к выявлению алломорфных и изоморфных явлений в семантике, сочетаемости лексических единиц лежит через их сопоставительный анализ, необходимость и актуальность которого неоднократно подчеркивалась в работах советских и зарубежных учёных. Так, Р. А. Будагов отмечает, что проблема сходства и различий соотносительных слов в разных языках практически нехорошо известна переводчикам, но до сих пор мало освещена в теоретической семасиологии. Он считает, что изучение особенностей значений и сочетаемости соотносительных слов в разных языках должно стать

предметом специального исследования [Будагов 1986: 19].

Для обнаружения и описания таких особенностей необходимо использовать определённую совокупность и последовательность рабочих приёмов, т.е. необходима методика сопоставления соотносительных лексических единиц двух языков. Несмотря на растущее количество работ, посвящённых проблемам сопоставительной лингвистики, методика проведения конкретного исследования лексических единиц двух языков находится в стадии становления, поэтому многие исследователи вынуждены обосновывать свои теоретические и методологические принципы.

Сопоставительное изучение лексики не может производиться без обращения к переводу. По мнению ряда английских лингвистов, сущность сопоставительных исследований сводится к следующему: «Прежде всего мы должны установить, что некоторые явления двух или более языков эквивалентны по значению, т.е., проще, переводят друг друга хотя бы частично. Затем мы устанавливаем их сходство и различие» [Halliday 1964: 7].

Успешный опыт использования перевода в качестве критерия проверки результатов сопоставительных исследований, как приёма для обнаружения системных отношений в лексике, особенностей семантических структур и сочетаемости, национальной специфики сопоставляемых языков, был наглядно продемонстрирован в ряде интересных исследований [Райхштейн 1986: 56]. Некоторые из исследователей, отрицая необходимость перевода при межъязыковых сопоставлениях, тем не менее вынуждены обращаться к нему на определённых этапах исследования.

Для того чтобы раскрыть подлинную систему лексико-семантических отношений между соотносительными словами, необходимо подвергнуть планомерному сопоставлению максимально большое количество речевых контекстов, в которых встречается исследуемое слово, с переводами в другом языке в пределах одного жанра [Медникова 1972: 40]. Все качественные и количественные характеристики объектов сопоставления должны основываться на материале выборки, поэтому их объём должен быть

одинаковым для каждого из языков, а тексты принадлежать к одному функциональному стилю.

Метод всегда является системой, а основой конкретного лингвистического метода является какая-нибудь специфическая сторона языка, изучение которой предполагает разработку определённой совокупности научно-исследовательских приёмов и аспектов исследования, методики их применения на практике. Проводя границу между тремя методами, которые предполагают использование приёмов сравнения и сопоставления — сравнительно-исторический, типологический и сопоставительный, — исследователи приходят к выводу, что сопоставительный метод предполагает сравнение синхронного состояния фонологических, лексических и грамматических аспектов языков независимо от их происхождения, а также направленность подобных исследований на выявление не столько общих закономерностей, сколько частных особенностей изучаемых языков, установление степени идиоматичности одного языка относительно другого [Никитина 1972: 9].

Во многих работах последнего времени подчеркивается системный характер сопоставления,

взгляд на него как на определённую последовательность решения нескольких типовых задач. Настоящая статья ни в коей мере не претендует на абсолютность и окончательность в установлении аспектов, этапов сопоставления и их последовательности. Предлагаемая нами методика сопоставительного исследования лексики, включающая в себя как составную часть и переводческие аспекты, состоит из двух этапов. Первый этап — сопоставление в плане языка, второй — в плане речи. Иначе говоря, при таком ходе исследования учитываются, во-первых, данные лексико-графических источников; во-вторых, подробно изучаются синтагматические связи слов в текстах.

Задачи первого этапа сопоставления:

1. Выявление смысловых структур лексических единиц по материалам словарей.
2. Отождествление совпадающих ЛСВ соотносительных по семантике слов и установление коэффициентов семантической близости для каждой пары лексем английского и русского языков.

Второй этап сопоставления опирается на анализ материалов выборки представляет собой комплекс аспектов исследования соотносительных лексем в речи, синтагматике. Объективному анализу внутреннего содержания этих лексем способствует вычленение их из контекста и рассмотрение соотношения синтаксических и лексико-семантических связей внутри простых свободных словосочетаний. На этом этапе основными аспектами и задачами исследования являются:

1. Сопоставление семантических структур лексем с учётом данных синтагматического этапа их исследования.

2. Выяснение основных тенденций в лексической сочетаемости анализируемых лексем; рассмотрение валентных наборов этих слов в качестве формального критерия подтверждения коэффициентов их семантической близости.

3. Сопоставление моделей синтаксической сочетаемости тождественны ЛСВ соотносительных лексем английского и русского языков.

4. Установление степени семантического и структурно-семантического тождества и идиоматичности английского и русского словосочетаний относительно их переводов.

5. Исследование транспозиции как проявлений тенденций алломорфизма во взаимодействии структуры и семантики компонентов словосочетаний ИЯ и словосочетаний-соответствий в ПЯ.

6. Анализ отражения семантики английских лексем в русском языке и русских лексем в английском.

Таким образом, последние четыре из шести рассмотренных выше аспектов исследования соотносительных лексем в синтагматике непосредственно связаны с переводом.

При сопоставительном изучении особенностей лексики двух языков, использующие перевод, как отмечает В. Н. Комиссаров, обращаются к нему не как к процессу, а как к определённой совокупности речевых отрезков на двух языках с общим содержанием, полученных в результате перевода, и исключает из рассмотрения присутствующие в переводах

субъективные элементы, т.е. сосредотачивает внимание лишь на объективных закономерностях, характеризующие отношение между сопоставляемыми системами [Комиссаров 1989: 18.]. Переводческие аспекты сопоставительного изучения лексем двух языков способствуют решению основных задач сопоставительного исследования — выявлению факторов изоморфизма и алломорфизма в семантике и сочетаемости соотносительных лексем этих языков.

На определённом этапе сопоставительное исследование не может обойтись без данных перевода, потому что наличие соответствий в парах языковых систем ещё не означает, что при функционировании в тексте эти соответствия сохраняются, поскольку материал в статике имеет несколько иные свойства, чем в динамике.

Отбор всех переводов словосочетаний с исследуемыми лексема и позволяет сделать некоторые выводы о семантических и структурных особенностях этих слов. Основными вопросами, которые при этом приходится решать, являются следующие :

1. Исходя из того, что свободному словосочетанию ИЯ в ПЯ почти всегда соответствует тоже словосочетание, можно сделать вывод, что их семантическое содержание в двух языках тождественны, инвариантно. Поэтому при сопоставлении синтаксических моделей словосочетаний ИЯ (парадигма плана выражения ЛСВ лексемы и ИЯ) с моделями словосочетаний соответствий в ПЯ (парадигма перевода) можно определить некоторые тенденции изоморфизма и алломорфизма.

Выявление парадигмы плана выражения различных ЛСВ лексемы ИЯ и последовательное сопоставление её с парадигмой перевода имеет такое же большое значение для сопоставительной грамматики двух языков, как двуязычный словарь для сопоставления лексических единиц. Разница в том, что при этом сопоставляются синтаксические формы сочетаний слов (структурные модели), а не сами лексические единицы, которые входят в их состав. Важность проведения такого сопоставления теории для теории и практики перевода обусловлена тем, взаимодействие семантики компонентов и модели словосочетания исходного языка является своеоб-

разным, подчас не имеющим параллелей в языке перевода, отсюда при переводе появляется необходимость замены модели (в тесной связи с её лексическим наполнением). Важно также установить количественную закономерность подобных замен, а в случае, когда данная структурная модель имеется и в ИЯ, и в ПЯ, равноценны ли эти формы по своей функциональной значимости, употребительность в каждом из языков.

2. Сопоставительное изучение лексики двух языков предусматривается, в частности, установление степени семантического и структурно-семантического тождества системы словосочетаний с анализируемыми лексемами английского и русского языков. Это обусловлено стремлением выяснить и дать оценку частоты встречаемости соотносительности лексем в процессе перевода с данного языка на другой, так как уже этот показатель может определённым образом свидетельствовать и о степени близости семантических структур лексем определённого лексико-грамматического разряда в двух языках в целом. Принимая один язык за эталон сопоставления, мы можем определить степень идио-

матичности словосочетаний другого языка как степеньклонения от принятого эталона. Анализ переводов словосочетаний идёт в двух аспектах.

При первом — эквивалентными переводами словосочетаний ИЯ считаются такие, в которых значения лексемы ИЯ и ПЯ передаются словосочетаниями с соотносительной лексемой и словосочетания эти могут быть организованы по любым возможным в ПЯ структурным моделям. В случае таких переводов можно говорить, на наш взгляд, о межъязыковом тождестве словосочетания ИЯ и их переводов, так как при возможной разнотипности их структурной организации двух языках семантика словосочетаний в целом остаётся тождественной. Такой способ перевода лексем ИЯ мы условно назвали первой степенью эквивалентности перевода словосочетаний.

При втором подходе как эквивалентные рассматриваются лишь те переводы, где русскому (английскому) слову в переводе соответствует соотносительных английская (русская) лексема. Все остальные переводы не считаются эквивалентными. При этом подходе учитывается как тождество соот-

носительных лексем двух языков, так и идентичность синтаксических конструкций, в которых они выступают. В таких случаях мы можем говорить о наличии межъязыкового структурно-семантического тождества между словосочетаниями оригинала и словосочетаниями-соответствиями в языке перевода. Этот способ перевода словосочетаний будем именовать второй степенью эквивалентности перевода.

Специфическое понимание семантического и структурно-семантического тождества словосочетаний ИЯ и ПЯ продиктовано стремлением выяснить и дать оценку частоты встречаемости соотносительных лексем в процессе перевода с данного языка на другой.

Принимая один из языков за эталон сравнения, мы можем определить степень идиоматичности словосочетаний другого языка как степеньклонения от принятого эталона. Межъязыковая идиоматичность сводится к тому, что та или иная лексема языка Я1 соответствует не одной, а нескольким лексемам языка Я2. Это означает, что лексема Я1 расчленивается на семемы относительно Я2 и данная межъ-

языковая полисемия может не совпадать с внутриязыковой [Копыленко, Попова 1972: 34].

Словосочетание языка Я1 является идиоматичным относительно его переводов на язык Я2, если имеется хотя бы одна лексема, обладающая специфическим для данного словосочетания языка Я1 переводом на язык Я2. Применительно к материалу нашего исследования это означает, что специфическими переводами будут считаться те, в которых не появятся соотносительные лексемы при переводе от ИЯ и ПЯ, или проще: они не переводятся друг другом. Чем больше специфических переводов имеет словосочетание ИЯ, тем оно идиоматичнее относительно словосочетаний-соответствий.

3. Тенденция алломорфизма во взаимодействии семантики компонентов и структуры словосочетаний исходного языка и словосочетаний соответствий в языке перевода, а так же наличие межъязыковой идиоматичности сочетаний находят отражение в явлении транспозиции — передаче смысла в ПЯ иной частью речи, чем он выражается в ИЯ.

Явление транспозиции указывает на несоответствие межъязыковых форм плана содержания словосочетаний ИЯ и ПЯ. При анализе материала выборки это явление выражается в несоответствии форм выражения тождественных ЛСВ соотносительных слов при переводе с одного языка на другой. Новым в приёме анализа при выявлении случаев транспозиции является то, что анализ идёт только по линии тождественных ЛСВ соотносительных слов двух языков. В данном случае между словами прослеживаются элементы сходства и различия во взаимодействии семантики компонентов и структуры словосочетания не вообще, а в чётком бинарном противопоставлении тождественных ЛСВ, что значительно повышает объективность результатов исследования. При исследовании транспозиции выявляется, каким образом, т. е. между какими частями речи распределяется семантическое содержание лексемы оригинала в переводе, какие части речи более всего употребительные при построении сообщения в языке перевода, поскольку одна и та же семантема в соответствии со структурой словосочетания или предложением языка перевода в целом может принимать фор-

му разных частей речи без ущерба для общего содержания высказывания [Гак 1999: 147].

Естественно ожидать, что степень транспозиции сопоставляемых слов может оказаться различной при разных направлениях перевода, т. е. при переводе с английского языка на русский и наоборот, тем самым может в какой-то мере характеризовать сопоставляемые лексические единицы и языки в целом.

4. Сведение воедино всех переводов лексемы ИЯ и их системное рассмотрение предоставляет в распоряжении исследователя интересные данные, свидетельствующим о характере отражения семантического содержания лексемы ИЯ в ПЯ. Анализ отражения семантики английских слов в русском языке и русских слов в английском даёт основания для корректировки некоторых статей двуязычных словарей по линии дополнения существующих списков эквивалентов новыми, которые выявлены в результате анализа переводов выборки и могут рассматриваться поэтому как объективные.

В результате применения изложенной методики исследования семантических структур и сочетаемости лексем английского и русского языков, которые в определённой мере отражают общую картину структурных и семантических особенностей английских и русских слов определённого лексикограмматического разряда [Пинягин 1974: 45].

2. КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ СИНОНИМИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В кругу проблем изучения словарного состава языка важное место занимают вопросы лексической синонимии. Несмотря на многочисленные исследования в этой области, теоретическая сторона проблемы, по признанию многих лингвистов, недостаточно разработана и до наших дней.

Особый интерес представляет вопрос о контекстуальной Синонимии.

Наряду с устойчивыми синонимическими отношениями, характерным для так называемых языковых синонимов, исследователи синонимических средств различают также семантические сближения таких слов, которые вне контекста синонимами не являются.

В процессе функционирования в речи семантика многих лексических единиц подвергается разным окказиональным воздействиям. В частности может произойти семантическое сближение разных по зна-

чению лексических единиц, дифференциальные признаки значения которых контекстуально нейтрализуются. В результате этого процесса возникают синонимы, называемые различными исследователями по-разному : окказиональными, метафорическими, ситуативными, контекстуальными и т.п. Во всех случаях подчеркивается, что подобные синонимические отношения возможны лишь в определённых контекстах и не закреплены общенародным употреблением, как указывает Н. М. Шанский [Шанский 1972: 54].

Целью данной работы является показать, каковы условия синонимизации таких лексических единиц, а также их роль в художественном тексте.

Необходимо отметить, что термин «контекстуальная синонимия» по существу не имеет точного научного определения, хотя лингвисты пользуются им довольно широко, зачастую в отношении явлений, далеко стоящих друг от друга. Незаработанность определения контекстуальной синонимии связана с тем, что в отношении определения языковой синонимии в настоящее время среди учёных-языковедов нет единства взглядов, что отражается в мно-

гочисленных попытках определения синонимов. Многоаспектностью изучения данного явления дала основание подойти к определению синонимии с разных точек зрения. Однако ни понятийно-денотативный подход к значению, ни трактовка значения слова посредством его словарного толкования или же через «оттенки» значения не могут быть признаны достаточно объективными критериями синонимичности, тем более, что последний термин не имеет точного научного определения.

В настоящее время большинство лингвистов указывают на семантико-смысловые и функциональные схождения и расхождения слов, реализуемые в частичной заменяемости, как на необходимые признаки синонимии. Причём каждый из этих признаков, взятый в отдельности, представляет собой необходимое, но недостаточное условие синонимичности и лишь наличие обоих признаков, их сумма, являются достаточным основанием для признания двух лексических единиц синонимами [Вилюман 1971: 5].

В лексикографической практике составители синонимических словарей выдвигают в большин-

стве случаев в качестве критерия синонимичности какой-либо один признак, который берётся в качестве основного для формирования синонимических групп, в то время как необходим учёт обоих вышеупомянутых факторов. В результате часто в одном синонимическом ряду стоят лексические единицы, которые не являются в полном смысле синонимами по отношению к доминанте ряда. Известно что проводить грани синонимических связей слов очень трудно, поскольку в языке-речи ничто жёстко не сигнализируется о границах синонимичности. Синонимичные контакты, коснувшись члена какого-либо синонимического ряда, иногда могут распространяться на другие лексические единицы, находящиеся за пределами этого ряда. Как следствие этого синонимические ряды в словарях обнаруживают большие расхождения.

В настоящее время как в немецком, так и в персидском языках трудно найти какие-нибудь два словаря синонимов, в которых бы синонимические ряды одного и того же слова полностью совпали по своей структуре. Такое положение вещей объясняется, по мнению некоторых лингвистов, известным

несоответствием синонимической теории и практики составления словарей синонимов. Содержательное различие многих методических предписаний о том, что считать синонимами, по мнению Г. И. Климовской не является научным в полном смысле этого слова [Климов 1970: 4]. Решение данной проблемы имеет большое значение для лексикографической практики, поскольку содержание синонимических словарей является материалом исследования для лингвистов.

При сравнении словарей персидского языка становится очевидным, что синонимические ряды в них часто не являются однородными построениями, так как в одном ряду встречаются лексические единицы разных видов значений: узуального и контекстуального. Например, в одной словарной статье могут стоять не синонимичные слова, входящие в одну лексико-семантическую группу. Так, персидский словарь под редакцией Али Бакуи приводит в качестве эквивалентов к слову جریان [jaraʔān] **течение** следующие соответствия:

جریان اشباع — *гор.тр.* сосредоточенный поток средств транспорта;

جريان بيٚش از حد — чрезмерный поток (средств транспорта);

توريډ جريان — *геол.* турбулентный поток (плотный поток грязи);

چگالی جريان — *геол.* поточная плотность; поток плотности воды в различных сферах земли;

جريان داده — *комп.* поток данных;

شدآمد جريان — *гортр.* транспортный поток (транспортный поток туда и обратно);

جريان شورى — *геол.* солёность потока; солёный поток;

جريان غالب — *гортр.* сплошной поток транспорта (подобно отливу и приливу);

(جريان فوكو (گردابی) — *физ.* токи Фуко; вихревые (индукционные) токи;

جريان كشندى — *геол.* водяное течение, вызываемое приливом и отливом (океана);

جريان متناوب — *физ.* переменный ток электричества;

جريان مستقيم — *физ.* постоянный ток;

واگرا جریان — *гортр.* чередованный поток движения транспорта;

همگرا جریان — *гортр.* соединённый поток транспорта в одну сторону; موج [mowj]

1. *физ.* волна; вал;

2. масса; поток (чего-л.);

3. **рост; подъём; усилившееся движение.** Безусловно, слова موج и جریان имеют общий семантический признак, но в данном случае наиболее существенным воспринимается не общий, а дифференцирующий признак.

В определённом контексте слова одной лексико-семантической группы сближаются до уровня синонимов, если условия художественного текста способствуют актуализации общего семантического компонента в нейтрализации дифференцирующих признаков.

Например, в немецком языке в синонимическом ряду с доминантой Besitz авторы синонимического словаря из серии «Der grosse Duden» включили слова: Besitz -Eigentum, Vermogen, Habseligkeiten,

Hab und Gut. В словаре синонимов Лейпцигского издания этот ряд расширен за счёт таких лексических единиц, как: Seine, die Sachen, Habschaft, Effekten, где das Seine явно окказиональное образование, идущее по линии субстантивации личного местоимения sein, а слова Besitz и die Sachen, очевидно могут соотноситься как общее и частное. Включая подобные лексические единицы в словарную статью, авторы, безусловно, исходят из их контекстуального употребления в речи.

Иногда синонимические отношения могут проявляться лишь в одной грамматической форме. Так, в словаре «Synonymwörterbuch», изданном в Лейпциге, к глаголу доминанте *betreffen* наряду с *angenehm*, *beruhren*, *anbelangen*, *anbetreffen* приводится и глагол *handeln*, который только в выражении *es handelt sich um* может соотноситься с глаголом *betreffen*.

В обширном синонимическом ряду с доминантой *Arbeit*, приведённом авторами синонимического словаря Г. Гернером и Г. Кемпке, можно обнаружить смешение понятий «гипоним» и «гипероним», кроме того, не проводится дифференциация внутри

по лексико-семантическим вариантам. Такие слова, как Arbeit, Arbeitszeit, Arbeitsplatz, могут вступать в синонимические отношения в определённой контекстуальной ситуации, хотя узואально таковыми не являются. Например в выражениях : der Arbeitsplatz oftens wechseln, seinen Arbeitsplatz verlieren можно употребить без ущерба для смысла и, действительно, на практике часто употребляется слово Arbeit, хотя толковый словарь не приводит данного лексико-семантического варианта в семантической структуре слова Arbeit. То же относится и к слову Arbeitszeit, значение, которого трактуется в словаре «Worterbuch der deutsche Gegenwartssprache», die festgelegte tagliche Zeitspanne, in der gearbeitet wird. Однако в выражениях wahrend der Arbeitszeit, die achtstundige Arbeitszeit, приводимых в толковом словаре, в речи часто употребляется слово Arbeit.

Приведённые примеры свидетельствуют о том, что к вопросу контекстуальной синонимии можно подходить на уровне языка. В синонимических рядах часто встречаются такие лексические единицы, которые вступают в синонимические отношения с доминантой ряда только в определённых контексту-

альных условиях. Возникает вопрос, можно ли считать такие лексические единицы синонимами или нет?

Другим аспектом этой проблемы является изучение контекстуальной синонимии в настоящем тексте. Материалом для анализа в данной статье послужил текст романа Б. Келлермана «Туннель» [Kellermann 1960], в тексте которого были выявлены слова, фиксируемые синонимическими словарями, однако рассматривать их можно лишь как контекстуальные синонимы, но не как узловые. Рассмотрим в качестве примера следующее предложение из романа «Туннель» «Allan rief die Ingenieure, die schon atemlos waren von dem jetzigen Arbeitstempo, zusammen und erklärte ihnen, dass sie ihre Arbeit um ein viertel Beschleunigen mussten» (S. 156).

В данном случае, как и в словах *Arbeitszeit* и *Arbeitsplatz*, мы имеем дело с распространённым в немецком языке явлением: усечением одного из компонентов сложного слова. Здесь временная сема перемещается в окружающий контекст, и эти существительные становятся псевдосинонимами к слову *Arbeit*. Синонимические отношения выше назван-

ных слов ограничены, как правило, разговорным употреблением. Неоднократное употребление их в художественном тексте может привести к тому, что контекстуальное значение станет узуальным и, соответственно, контекстуальные синонимы перейдут в узуальные.

В тексте романа выявлено также употребление в качестве контекстуальных синонимов слов, которые синонимическими словарями как таковые не фиксируются. Возникшие синонимические отношения порождаются определёнными условиями контекста. В художественном тексте информация, заключённая в слове, содержится не только в нём самом, но и может зависеть от сочетания нескольких факторов [Арнольд 1965: 20–21]. Под их влиянием нередко и возникают синонимические отношения между лексическими единицами, которые в обычных условиях таковыми не являются. *Unterdessen hatten sich Mac Allans Bohrmashinen an den funf Arbeitszentralen schon meilenweit in die Finsternis hineingefressen (с. 135). Der Ort, wo die Bohrmashine arbeitete, der Vortrieb, hiess bei den Tunnelmen die Holle» (S. 136).* В этих предложениях исключитель-

ная сложность работы в туннеле находит свое отражение не только в сравнении с преисподней, но также и в употреблении глаголов *arbeiten* и *sich hineinfressen* в качестве синонимов. Толковые словари фиксируют в качестве одного из лексико-семантических вариантов глагола *sich hineingefressen* лексико-семантический вариант *arbeiten* однако ни одним носителем языка это слово в изолированном употреблении не будет восприниматься как синоним к *arbeiten*, так как общий лексико-семантический вариант находится на периферии семантической структуры глагола *sich hineinfressen*, в отличие от семантической структуры глагола *arbeiten*, где этот лексико-семантический вариант является основным, ведущим.

В следующем предложении «Da trat der Gerissene auf die Strasse und zerplarsste: Er war plötzlich irgendwohin verschwunden, um etwas Neues zu ersinnen» (S. 52) синонимия слов *zerplatzen* и *verschwinden* обусловлена тем, что контекстуальный синоним *zerplatzen* имплицитно включает в себя семантический признак «исчезнуть», что делает возможным такое синонимическое употребление. Гла-

гол *zerplatzen* употреблен метафорически, а метафора как известно, является средством достижения образности высказывания. В данном предложении, точно также, как и в предыдущих, синонимическое употребление глаголов *sich hineinfressen* и *zerplatzen* возможно лишь при наличии нейтрального фона, каковы является *arbeiten* и *verschwinden*. Приведённые примеры показывают, что контекстуальная синонимия служит созданию образности и усилению экспрессивности в тексте. Однако в ряде случаев автор прибегает к контекстуальным синонимам в нейтральном повествовании с целью избежать повтора уже названного слова: «Es waren grosse Gelehrte, die Geologische, physikalische und technische Fragen zu Mac führten... Mac aber verkehrte mit diesen Berumtheiten ganz wie er mit Ihr oder Hobby verkehrte» (S. 147–148). Существительное *Berumtheiten* имеет обобщенное значение и употребляется в значении лиц, известных своими выдающимся деловыми и профессиональными качествами: артисты, учёные, путешественники и т. д., то есть для обозначения денотата на основе общего признака. Однако именно в силу своей обобщенной семантики оно не

может выступать в качестве узуального синонима ни к одной из названных лексических единиц.

В данном контексте они сближаются до уровня синонимов, поскольку существительное *die Gelehrten* конкретизирует значения слова *Berumtheiten*.

Анализ приведённых примеров показывает, что контекстуальная синонимия может возникать в пределах одного или двух соположенных предложений при условии наличия двух синонимизирующихся слов. Подобные синонимические отношения могут проследиваться и на протяжении фрагмента текста или даже всего текста художественного произведения. Например: «Mitten in diesem Chaos von rollenden Leibern und Steinen aber bebte und kroch ein graues, staubbedecktes Ungetum, wie ein Ungeheuer der Vorzeit, dass sich im Schlamm gewalzt hatte: Allans Bohrmashine» (S. 134).

В данном предложении контекстуальные синонимы *Ungeheuer* и *Ungetum* возникают на основе описания денотата и сравнения его со сказочным существом. В обиходной речи эти слова употребля-

ются преимущественно для обозначения огромного бесформенного животного, внушающего страх окружающим своим видом и повадками. Оба слова содержат общий семантический признак: *etw. Riesiges, Unformiges, was jmdm. Furcht einflusst*, который приносит в характеристику внешнего вида денотата элемент отрицательной оценочности, закрепленное в толковом словаре стилистической пометкой «abwertend». В следующем предложении это впечатление усиливает не только вследствие повторения контекстуального синоним *Ungetum*, но и из-за более детального описания машины как необычного живого существа: *Das gierig vorwärtsrollende Ungetum aber streckt Fresswerkzeuge schauerlicher Art aus, Zangen, Krane, Es schiebt seinen stalernen Unterkiefer vor...* (S. 135). В этом предложении, а также на протяжении всего романа, слова *Ungetum* и *Ungeheuer* употребляются уже без нейтрального соответствия. Читатель, неоднократно сталкиваясь с этими словами в тексте, однозначно воспринимает их как синонимы к существительному *Bohrmaschine*. Это становится возможным, поскольку оба слова постоянно встречаются в романе в одинаковом или очень сходном контексте, что позволяет осуще-

ствить декодирование обозначения на основе идентичных условий контекста.

Контекстуальные синонимы, выявленные в тексте романа «Der Tunnel», выполняют две основные функции. Первая из них — создание образности, повышение экспрессивности, которая возникает в случае, если контекстуальные синонимические отношения устанавливаются между нейтральными и экспрессивными лексическими единицами, либо, если одновременно с контекстуальной синонимизацией происходит процесс метафоризации одного из членов синонимической пары, как в случае с глаголами *verschwinden* — *zerplatzen*.

Вторая функция контекстуальных синонимов в художественном тексте — вариации обозначения с целью избежать лексический повтор. В этом случае каждый из членов синонимической оппозиции: нормативная лексическая единица и слово с контекстуальным значением является вариантами с одинаковой стилистической значимостью и функционируют в тексте в качестве нейтральной лексики, например: *Arbeit* и *Arbeitstempo*. Возможно также, что один из членов синонимической пары представ-

ляет собой нейтральную лексическую единицу, второй же содержит в своей семантической структуре оценочный компонент: *die Gelehrten* — *Berumtheiten*.

Роль контекстуальных синонимов в художественном тексте очевидна: создание образности и повышение экспрессивности высказывания.

Проведённый анализ контекстуальной синонимии в тексте романа Б. Келлерманна «Туннель» позволяет поставить вопрос о необходимости более широкого и глубокого изучения особенностей и функций контекстуальной синонимии в художественном тексте.

3. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ СИНОНИМИИ

В связи с большим интересом, проявляемым в настоящее время к исследованию национальной специфики языков и в особенности их семантики, весьма актуальным является вопрос о разработке способов описания национальной специфики семантического развития слова. Национальная специфика семантики выявляется только при сопоставлении единицы одного языка с конкретным другим языком и является таковой только по отношению к данному конкретному языку. Она проявляется в трех основных аспектах:

- безэквивалентность (эндемичность) единиц;
- лакунарность;
- национальная специфика значения единицы — ее отличие по компонентам значения. Она обнаруживается в денотативном, коннотативном и функциональном компонентах значения, а также в нескольких компонентах одновременно.

В рамках сопоставительного метода нами была предпринята попытка определить такие способы на материале синонимических рядов русского, таджикского и персидского языков.

Мир, описываемый языком, находится в постоянном изменении, и чтобы поспеть за этими изменениями, мы создаем в нашем сознании или, по крайней мере, в языке определенные более или менее стабильные точки, средние единицы. В реальном мире средних единиц не бывает, но они существуют в языке, который воспроизводит мир, подчиняя его своей собственной организации. Язык организован таким образом, что все его системы и подсистемы, являются открытыми классами с центром (ядром) и периферией .

В ядре находятся значения, характеризующиеся предметной отнесенностью языковой единицы. Они стабильны и нацелены на «фиксацию» главной мысли и зарегистрированы в виде лексико-семантической и грамматической информации в различных типах словарей и грамматических справочников. Согласно В. Г. Гаку, именно «благодаря наличию твердого ядра в понятии и, следовательно, в значе-

нии слова осуществляется взаимопонимание людей, говорящих на одном языке» [Гак 1987: 78]. На наш взгляд, однако, это утверждение является правомерным не только по отношению к ядерным, но и к периферийным значениям языковых единиц, поскольку они могут быть так же, как и ядерные значения, освоены и зафиксированы в словарях в виде словарных статей или грамматических правил в различного рода учебниках и учебных пособиях. Одним из доказательств данного утверждения — множество уже исследованных и внесенных в словари синонимических рядов, отражающих в языке полученную информацию в сознании носителей данного языка.

Известно, что синонимический ряд, как и другие языковые образования, имеет системный характер, на что впервые обратил внимание Ю. Д. Апресян [19, с. 84—88]. Синонимический ряд состоит из центра, или ядра, и периферии. Центральная, или ядерная, часть синонимического ряда как показывает анализ, стабильна, устойчива, периферия подвижна, изменчива и включает в себя как устаревшие элементы языка, так и новации.

Здесь важно заметить, что как между многими словами сопоставляемых языков нет соответствия в их значениях, так и между синонимическими рядами сопоставляемых языков не может быть полного соответствия. В каждом языке существуют понятия, предметы или явления, представленные богатым набором слов, выражающих тонкие смысловые нюансы, относящиеся к кругу данного понятия, явления или предмета, в то время как в ряде других языков имеется лишь одно или два слова для выражения только основного по смыслу понятия.

Актуальность исследования лексики, используемой для описания состояния человека в трех языках объясняется тем, что языковые единицы разных уровней с семантикой «человек» демонстрируют специфику языковой картины мира данной нации.

Одним из активных пластов лексического состава языка являются лексические единицы, входящие в состав синонимического ряда «гневно-раздраженное состояние человека».

Анализ проводится с опорой на следующие источники: толковые словари русского языка, «Фар-

ханги забони тоҷики», толковый словарь персидского языка, синонимические словари русского, таджикского языков и переводные словари.

При характеристике лексической репрезентации данного смысла учитывается: количество элементов в синонимических рядах ключевых слов, репрезентирующих данный смысл; особенности денотативных и оценочных аспектов семантики; стилевой маркированности элементов ряда; частотность речевой актуализации членов синонимических рядов.

Количество элементов в синонимическом ряду ключевого слова показывает, что в персидском языке оно разработано больше. Число синонимов слова *гневный* — 4; *газабнок* — 5; .8 — **خشم آلود**

Так, синонимический ряд русского языка с исходным значением «гневно-раздраженное состояние» включает цикл: *бешеный, гневный, жгучий, яростный*. *Гневный* наиболее точно выражает основное конкретное значение — *чувство сильного негодования, возмущения*; состояние раздражения, озлобления, и относится к нейтральному стилю,

употребляясь чаще других своих синонимов. *Я видел ее вспыхнувшее лицо, ее гневные и страдающие глаза* [ПРС 1989: 23].

Чтобы объяснить, почему указанные лексемы были объединены в один синонимический ряд, обратимся к толковому словарю русского языка, и попытаемся на основе дефиниции определить каким образом связаны эти значения, и какие различительные семантические элементы служат основанием для их разграничения.

Так, значение слова *бешеный* определяется в четырехтомном словаре следующим образом [ПРС 1989: 89]:

Больной бешенством, взбесившийся (о животных).

Иступленный, необузданный, неистовый // выражающий бешенство// яростный, бурный // горячий, буйный.

Чрезмерный по силе проявления.

Главным компонентом для данного словаря является вторая дефиниция с оттенком значения: *иступленный, необузданный, яростный, неистовый*.

Таким образом, выходит, что *бешеные глаза* — *иступленные, необузданные, яростные, горячие*.

Жгучий 1. *Горячий, обжигающий, палящий // ощущение жжения, причиняющий острую боль*.
2. *Остро переживаемый; мучительный*.

Как видно, в словаре для слова *жгучий* не отмечается значение, синонимичное словам *гневный, бешеный*. Следовательно, оно является контекстуальным синонимом. Однако, в первой дефиниции к слову *жгучий* в словаре выделен компонент *горячий*, который отмечается в словаре и к прилагательному *бешеный*. Отсюда следует, что компонент *горячий* является связывающим звеном между этими единицами. Данный компонент *горячий* в контексте насыщается дополнительным значением: *жгучие глаза — горячие, яростные*.

Мать смотрела в лицо ему и видела только глаза, гордые и смелые, жгучие.

Яростный 1. *Полный ярости, гнева* // *выражающий ярость, гнев*. 2. *Неукротимый, неистовый* (о стихиях, явлениях природы). 3. *Чрезмерный, крайний в своем проявлении, необычайный по своей силе, интенсивности* // *производимый с исступлением, ожесточением, упорством*. 4. То же, что *ярый*.

Главным компонентом здесь является первая дефиниция — *ярость, гнев*.

Следовательно, синонимический ряд слов, обозначающих чувство сильного негодования, возмущения, состояние гнева, ярости, в русском языке выглядит следующим образом: *гневный, бешеный, яростный, жгучий*.

Синонимический ряд таджикского языка с исходным значением (гневно-раздраженное состояние) включает цикл: *газабнок, пурхашим, пургазаб, кахролуд, баркнигох*, который отличается от русского синонимического ряда тонкими смысловыми нюансами.

Наиболее точно основное значение данного ряда выражает слово *газабнок (гневный)*, следовательно, оно выступает как опорное слово в синонимиче-

ском ряду. Однако, на первый взгляд, слово *газбнок* можно было бы рассмотреть как эмоционально окрашенное, тогда выделение его как доминанты было бы неправильным, так как опорное слово не должно иметь дополнительных оттенков.

Следует заметить, что по вопросу о связи семантики слова с экспрессивной значимостью высказывались самые различные мнения. Так, в ряде работ проводится выделение «эмоциональной лексики», к которой относятся слова вроде *любить, ненавидеть, гнев, красивый, плохой, раздражен* и т.п. наряду с суффиксальным образованием типа *песочек, миленький, солнышко*. Можно ли объединить эти слова? Эмоциональная окраска таких слов как *любить, ненавидеть*, целиком определяется их содержанием, а именно тем, что данные слова непосредственно обозначают различные эмоции, настроения.

Нельзя не согласиться с точкой зрения Д. Н. Шмелева, который утверждал, что если эти слова считать как таковые «эмоциональными», то такое понимание эмоциональных моментов в лексике будет основано не на лингвистических категори-

ях, а на характеристике самих предметов и явлений. Выделение «эмоциональной лексики», считает он, при таком подходе является результатом предметно-тематической классификации слов, тогда как образования с уменьшительными и другими суффиксами включаются в ту же группу «эмоциональной лексики» на основании уже совсем иных признаков. Кроме того, определенного рода эмоционально-оценочные моменты могут быть объективно закреплены за словом. *Кляча — это не просто лошадь, а плохая лошадь, вонять — не просто пахнуть, а дурно пахнуть.* Слово же *любить* обозначает чувство, которое в разных условиях может вызывать совершенно различные отношения со стороны говорящего, быть источником самых разнообразных эмоций у собеседников, так же как и такие слова, как *ненависть, гнев, красивый*, не говоря уже о том, что в целом ряде контекстов они выступают как эмоционально нейтральные знаки «отвлеченных» понятий и поэтому их противопоставление «отвлеченной лексике» не является безусловным.

Принимая точку зрения Д. Н. Шмелева, мы выделяем, во-первых, слова, которые сами по себе обо-

значают определенные эмоции и переживания, имеют эмоционально-оценочные значения, во-вторых, эмоциональная значимость которых создается при помощи словообразовательных средств, и, в-третьих, слова, в собственно лексическом значении которых заключена определенная оценка обозначаемых ими явлений. Только по отношению к двум последним группам слов было бы оправданным наименование «эмоционально-окрашенная лексика», так как слова, обозначающие эмоции, не окрашены этими эмоциями, а непосредственно отображают их своими значениями.

Следовательно, прилагательное *газабнок* не являясь «эмоционально-окрашенной» (эмоция заложена в семантике) выступает нейтральным синонимом к остальным единицам синонимического ряда.

В Фарханге не отмечаются значения синонимов *газабнок*, *пургазаб*, *пурхаим*. Однако, семантика производных слов *пургазаб* и *пурхаим* — *хаим*, *газаб* в полном соответствии со словом *газабнок* определяется как *кахр*, *газаб* — *раздражение*. ТРС выделяет также оттенки значения слов *хаим*, *газаб*.

Хаим — не только *гнев*, но и *ярость*. *Газаб* — *гнев*, *негодование* [ФЗТ 1965: 786].

Следовательно, различие между словами *пурхаим*, *пургазаб* заключается в том, что *пурхаим* выражает гневное состояние, доходящее до бешенства, а *пургазаб* — состояние полного *недовольства*, *возмущения*. Тем не менее, между ними существует связь. Эту связь осуществляет компонент *гневное состояние*, которое является главным доминирующим компонентом в семантической структуре слов.

К словам *пурхаим* — *полный гнева, ярости*; *пургазаб* — *полный гнева, негодования*, близка семантика слова *кахролуд*, одно из значений которого в фарханге определяется как *хаим*, *газаб* — *гнев, ярость* [ФЗТ: 867]. В Таджикско-русском словаре у слова *кахр* выделен оттенок *злость, обида* [ТРС : 153]. Следовательно, *кахролуд* — *состояние горечи, досады*, вызываемое несправедливым, оскорбительным отношением к себе.

Таким образом, на основе толкования значений синонимов *газабнок*, *пургазаб*, *пурхаим*, *кахролуд*, данных в словарях, мы отметили как общие элемен-

ты значения, так и те отличия, которые существенны для отграничения значения одной лексемы от соотносимых с ней.

Одновременно была установлена своего рода, определенная иерархия слов по расчлененности их значений. Несколько упрощенно она может быть представлена в следующем виде:

Пурхашм — полный гнева + ярости;

Пургазаб — полный гнева + негодования;

Кахролуд — гнев + злость + обида.

Слова указанного синонимического ряда, отличаются от своей доминанты не только оттенками значения, но и стилистической окраской. Будучи стилистически окрашенными, они преимущественно употребляются в языке художественной литературы. Именно в контексте смысловые и эмоциональные различия между единицами синонимического ряда выступают то с большой остротой, то смягчаются:

...аз чашмони пурхашмаш маълум шуда меистод, ки аз чи сабаб кахраш омадаастно его

гневному взгляду можно было понять причину его негодования.

Следует заметить, что в синонимическом ряду с исходным значением *гневное состояние*, контекстуальным синонимом выступает прилагательное *баркнигох*, производное от слова *барк* — *молния*. Молния, как известно, ассоциируется у нас с источником света. Следовательно, в контексте, получая дополнительную эмоционально-экспрессивную окраску, характерную для эпитета, оказывается в одном синонимическом ряду с эпитетами: *газаболуд*, *пурхашм*. *Чаимони баркнигох — глаза полные ярости, гнева.*

Именно в контексте проявляется элемент значения *гнев*, *ярость* слова *баркнигох*, следовательно, прямое значение этого слова осложняется метафорическим значением. *Дуртар рав! — гуфт у, сар то пои дируза додархондаширо бо оташи чаимони баркнигохи худ сузонда. Убирайся! — крикнул он, обжигая своим гневным взглядом своего вчерашнего названного брата.*

В синонимическом ряду слова *газбнок* элементы также стилистически маркированы: к нейтральному стилю принадлежит само слово *газбнок*, а к книжному стилю речи — остальные компоненты ряда.

В персидском языке для выражения данного значения функционируют *پرخشم جوشید همتز* 'испытывающий злость, гнев, или ярость' злой, сердитый, гневный, яростный, взбешенный.

Синонимы отличаются друг от друга по следующим смысловым признакам: 1) интенсивность эмоции, 2) причины, которые ее вызывают, 3) характер и формы проявления эмоции.

دژکام

[291, т. 1, с. 589] — книжн. (раздраженный; гневны»; 2) грустный, огорченный, опечаленный)

دژکام

[291, с. 654] книжн. (1) грустный, унылый, печальный, подавленный, удрученный; павший духом, 2) грозный; гневный, разгневанный).

دژکام، نژند

[291, с. 590] обозначают эмоции средней степени интенсивности,

غیظالود ،

— более чем средней, а

دژم، ارغنده، ، خشمالود ، چشمغره ، چشمغره ، خشمگین ،
خشمگین ، قهرالود پرخش دژم

— эмоции крайней степени интенсивности.

پرخش ، قهرالود ، разг. خشمگین جوشیده مغز

(гневный; гневный, угрожающий взгляд; гневный, злой; гневный, рассерженный, пришедший в ярость; гневный, яростный, сердитый) — стилистически различные способы проявления эмоции, которая является либо реакцией на причиненные субъекту зло, обиду и т.п., либо следствием оценки какого-то лица, поступка или факта как несправедливого, недостойного или аморального. Из этих синонимов

خشمگین

является наиболее общим по значению словом.

خشمگین

может обозначать и кратковременную вспышку злости, и более устойчивое чувство; и праведный гнев, и гнев почти беспричинный или не имеющий объективных оснований; и бурно проявляющееся:

خشمگین شدن ، خشمگین کردن

، چشمغره دژم ، پرخس جوشیده مغز،

(яростный, свирепый; рассвирепевший, пришедший в ярость) обозначают сильнейшую степень эмоции, граничащей с помутнением рассудка или потерей контроля над своим поведением и поэтому очень бурно проявляющейся; при этом бурность реакции объясняется не столько значительностью вызвавших ее причин, сколько особенностями темпераментами, психологического склада личности и т. п.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Количественный анализ понятия «гневно-раздраженное состояние» показал, что персидский синонимический ряд более обширен, а лексема **خشمگین** более частотна, как в таджикском, так в персидском, чем русское слово. Особен-

ностью вышеперечисленных слов в персидском и таджикском языках является их многозначность, поэтому эти показатели характеризуют не только рассматриваемый в данном параграфе смысл. Качественный анализ только ключевого смысла в этой связи более показателен. По его результатам выявлено, что для разных национальных обществ в этом понятии на первый план выходят различные семы («пурхашим, **پرخش**» — «полный ярости, гнева» в таджикском и персидском языках, «неистовый» в русском). Данные наблюдения свидетельствуют об отсутствии линейной корреляции культурной доминанты и характера ее репрезентации в лексических системах сравниваемых языков.

Итак, синонимический ряд есть средство построения и представления концептуальной картины мира. Важным для развиваемой концепции является положение о непрерывном характере построения синонимических рядов, определяемом постоянно осуществляющимися в них процессами отождествления и различения получаемой извне информации в различных синонимических единицах. Поэтому синонимический ряд является не только средством

фиксации информации об анализируемом фрагменте мира, но и средством дальнейшего расширения и углубления познания этого фрагмента.

Специфика синонимического ряда состоит в том, что он наиболее ярко отражает динамику освоения и познания мира человеком. Цепочка последовательных ходов и становления мысли показывает, что при формировании смысла вступают в сложные постоянные отношения как ядерные и периферийные значения одного синонима, так и периферийные значения разных синонимов. Как те, так и другие значения при формировании смысла могут быть избирательными к значениям определенных семантических классов.

Значительный интерес представляют, на наш взгляд, синонимические ряды с лексемами *глаза* и *губы* в русском языке. *Очи* и *уста* относятся к стилистически отмеченной — высокой, поэтической — лексике. Следствием этой отмеченности является ограничение сферы их употребления: обладателем *очей* и *уст* может быть только человек. Широко известно замечание Ю. Д. Апресяна о том, что «в ряду квазисинонимов *глаза, очи, зенки* ... лишь стилисти-

чески нейтральное слово *глаза* обозначает орган зрения любого живого существа... Книжное слово *очи* и просторечное пейоративное *зенки* отличаются от своего нейтрального квазисинонима не чисто стилистически, как принято думать, но и семантически. Очи обозначают большие, выразительные, красивые глаза, притом обычно глаза человека. Зенки тоже обозначают только глаза человека, но маленькие, некрасивые, неприятные». Соотнесенность стилистически высокого (или даже просто «книжного») с человеком является, по-видимому, языковой универсалией, эту тенденцию можно проследить не только на русском языковом материале, но и в других языках, ср.: «В ряду синонимов *face*, *countenance*, *visage* ‘лицо’ лишь первое, стилистически нейтральное, слово способно обозначать переднюю часть головы не только человека, но и животного и, следовательно, сочетаться с названием животного: *the monkey's face*, «*The face of Katy* (имя свиньи) *was a tiger's face* (Steinbeck). *Countenance* и *visage*, слова книжного языка, с неизбежными в таких случаях ассоциациями красоты и величия, неспособны обозначать морду животного и использу-

ются, следовательно, только применительно к человеку» [13, с. 252].

Соотнесенность «высоких», «книжных» вариантов с человеком в условиях стилистической дифференциации может иметь семантическое объяснение, ведь компонент «умозрительность», который присущ исконно церковнославянской лексике, приложим именно к человеку.

Но как с этой точки зрения следует интерпретировать современное языковое восприятие таких слов, как *очи* и *уста*? Можно ли их считать абстрактными, умозрительными вариантами нейтральных *глаз* и *губ*? В чем, собственно, может проявляться подобная абстрактность? В отсутствие физической пространственности? В отвлечении от внешних признаков соответствующих объектов?..

Языковой материал позволяет говорить о двух функциональных возможностях использования *очей* и *уст*, в каждой из которых эти слова уникальны в том смысле, что описывают свою, особую, предметную область.

Первая связана с образностью, наличием в семантике данных слов своего рода эстетической составляющей. *Очи* — это не просто глаза, но выразительные, красивые, производящие впечатление. Именно поэтому слово *очи* может быть просто противопоставлено слову *глаза* без каких-либо специальных пояснений: мы имеем в виду известную фразу из «Молодой гвардии» А. Фадеева — *У Ульяны не глаза, а очи*, где *очи* не только называют соответствующий объект, но и характеризуют его. *Уста* — это не просто *губы* или *рот*, но и одновременное их определение, ср. пример из Словаря эпитетов *О, Боже мой! Как лгут прекрасные уста, // Как холодны твои пленительные очи* (Апухтин) [107, с. 211].

Вторую возможность рассматриваемые слова обретают вследствие актуализации компонента «духовность»: в русском языковом сознании *уста* и *очи* чужды обыденности, не нейтральны. Именно поэтому «высокие» *очи* (в отличие от нейтральных *глаз*) описывают не только физические, но и духовные, присущие только человеку, способности, ср. *перед его мысленными очами...*, где *очи* прилагают-

ся к памяти, воображению, *увидеть мысленными очами*, где *очи* являются органом интуиции.

Аналогично и *уста*, помещаясь в разряд «высоких», теряют ассоциативную связь с анатомией и начинают восприниматься как источник речи, а значит — выразитель существа человека. Не случайно из множества речений и поговорок в современном обиходе удержались лишь те, что связаны с этой смысловой доминантой: *из уст в уста, из первых уст, у всех на устах, не сходить с уст, устами младенца...* Зафиксированные у В. И. Даля пословицы, описывающие способность *уст* к восприятию «гастрономических» впечатлений, для носителя современного языка звучит архаично, ср.: *Этот кус не твоих уст; Всяк несет уста, где вода чиста; У кого в руках, у того и в устах*. Любопытно, что утверждению в этом новом статусе названий «орудий» высшей разумной деятельности — созерцания (*очи*) и речепроизводства (*уста*) — способствует и подспудное действие компонента «абстрактность», связанного с церковнославянским происхождением рассматриваемых слов: что называют *уста*? (*рот? губы? язык?*) в высказываниях типа *Уста славят*

Господа; Во власти лживых уст или даже Из уст в уста...? Очевидно, что современным языковым сознанием предметная область данного слова воспринимается обобщенно. Что называют *очи* в высказываниях *духовные очи, очи сердца, души, телесные очи ...?* *Очи* здесь — не простой орган зрения, а название некоей общей способности человека к постижению явлений, способности, которая реализуется либо путем наружного зрения (*телесные, плотские очи*), либо посредством внутреннего зрения (*духовные очи*). Ср.: *И самого меня являешь ты // Очам души моей* (Ф. Тютчев); *... и просветил очи сердца вашего, дабы вы познали, в чем состоит надежда призвания Его.* В древнерусском языке «открыть сердечные очи» значило «открыть возможность к пониманию. Как обозначение нетривиальной способности к восприятию и переживанию чувств *очи* используются в следующем примере: (из Второго послания Курбского) *... аще и многогрешному, но очи сердечные имущу...*, ср. перевод: *... пусть и многогрешному, но имеющему чуткое сердце....* Данный пример подсказывает, что выражения *сердечные очи, очи сердца* могли пониматься двояко — в зависимости от акцента на том или дру-

гом компоненте. Определение *сердечные* актуализирует в *очах* «внутреннее», т.е. *сердечные очи* — это «внутреннее, мысленное зрение». *Очи* же в отношении *сердца* — *сердечного* — актуализируют «духовность»: *сердечные очи* — это «чуткое (зоркое) сердце».

Итак, будучи исходно названием «части», *очи* и *уста* способны к описанию «целого». Приведем пример, где *око* выступает заместителем всего субъекта и, как следствие, обладает способностью не только «видеть», но и «слышать», а также «принимать решения», «поступать» и т.п.: *Всевидящее же око Божие виде стонание их и не презре, но проси-мои ими него восхоте им даровати и к великой страдалице причтати неразлучно.*

То, что *уста* и *очи*, а не *губы* и *глаза*, могут мыслиться как целостная духовная сущность (*уста* — как синоним «человека говорящего» а *очи* — как синоним «человека созерцающего»), определяется и фактором «старшинства»: *губы* и *глаза* — слова более поздние, они получили широкое распространение только в XVI — XVII вв. при этом первоначально выступали как сниженные экспрес-

сивные варианты нейтральных и универсальных *уст* и *очей*. Закономерно поэтому, что реликтовые словесные формулы используют *уста* и *очи*. Думается, однако, что рассматриваемые слова воспринимаются носителем современного языка как единственно возможные в контекстах типа *перед мысленными очами, все лгут прекрасные уста* не только в силу идиоматизации, но и потому, что за ними закрепились особая предметная область. Сказанное подтверждается фактами фразеологической сочетаемости, которые свидетельствуют о выборочности языковой памяти. Дело в том, что в языковом узусе не удержались те фразеологизмы, в которых слово *очи* используется в нейтральном значении тривиального органа зрения, ср.: *Сам своима беззаконныма очима видал еси...; Аще ли не веруете да оузрите своими очима* (СДРЯ, II. С. 301). В подобных случаях естественным образом произошла замена *очей* на *глаза*, и фразеологизм видоизменился, чего нельзя сказать о выражениях *мысленные очи; очи сердца, души; видеть внутренним оком* и т. п.

Становится понятным, почему *очи* и *уста* труднопереводимы, ведь им нет точных аналогов в

других языках: к примеру, как перевести сочетание *очи души* без потери смысла? Приведем в смысловом плане адекватную передачу *очей* с помощью *памяти* в современной англоязычной версии 109-го псалма: *Да будут они всегда в очах Господа .. — May the Lord always remember their sins ...*

Итак, литературный язык сохранил для нас значения и многие модели употребления *очей* и *уст*, чего нельзя сказать о других «высоких» наименованиях частей тела. Сама эта парность названий, наличие «высоких», поэтических вариантов, сохранилась лишь в редких случаях: *перст* и *стопа* — фразеологически связанные единицы, а *перси*, *ланиты*, *рамена* всецело относятся к прошлому языка. Между тем, *очи* и *уста*, находясь на периферии повседневной речевой практики, в сознании носителей языка имеют вполне четкие смысловые ассоциации.

Устойчивость и универсальный характер этих ассоциаций, безусловно, определяются активностью использования рассматриваемых слов в культурно-значимых для носителей языка текстах — философских, поэтических, религиозных. Причина этого особого положения *очей* и *уст*, на наш взгляд, опре-

деляется ценностными представлениями носителей языка. В ряду характеристик человека *глаза* и *язык*, по-видимому, относятся к основным — и как два орудия воздействия, и как два источника впечатлений о человеке. Поэтому «высокие» *очи* можно рассматривать как эстетический эквивалент лица (настроения, характера...), а *уста* — как этический эквивалент личности (ее речевого поведения).

Кроме того, благодаря наличию «высокого» стилистического варианта для названия *глаз* в русском языке сохраняется противопоставление материального (физического) и идеального (духовного) зрения.

Таким образом, синонимический ряд — это не неизменное явление. Это динамичная, открытая, гибкая структура, расширение границ которой не может быть объяснено изменениями лишь на вербальном уровне. Расширение синонимических рядов предопределяется изменениями, происходящими во внеязыковой действительности и в концептуальной системе знаний человека об этом мире, различными когнитивными процессами, развитием науки о язы-

ке, расширением лингвистической научной парадигмы.

Многочисленные ряды синонимов, включение разными авторами различного количества языковых единиц в синонимический ряд с одним и тем же значением, изменения в картине мира современных носителей языка, влекущие за собой изменения в составе синонимических рядов, смена дифференциальных признаков и вида коннотаций убедительно свидетельствуют о динамическом характере синонимического ряда. Эта динамика обусловлена тем, что синонимический ряд отражает степень освоения мира человеком.

Поскольку язык вербализует национальную культурную картину мира, хранит ее и передает из поколения в поколение, факт недостаточности того или иного языкового арсенала при контрастивном исследовании русского, таджикского и персидского языков налицо.

Таким образом, на материале синонимического ряда со смысловой основой *гневное, яростное, раздраженное состояние*, включающие в свой цикл как

общеязыковые, так и индивидуально-авторские синонимы, в сопоставляемых языках, нами были выявлены общие и специфические признаки.

Таким образом, проведенное исследование служит еще одним доказательством существования национально-культурного своеобразия различных языковых систем. Сопоставление семантики лексем разных языков, выражающих одно и то же понятие, дает возможность выяснить специфику отражения окружающего мира в языковом сознании носителей данных языков. Каждый язык по-своему членит мир, имеет свою особую языковую картину мира. В близких понятиях разных культур национальная специфика проявляется в том, что сопоставимые понятия не полностью совпадают по своему содержанию. Именно в этом проявляется специфически национальное восприятие мира, зафиксированное в языке

Поскольку многие слова отличаются от каких-то других слов только отдельными элементами значения (при общности других элементов), можно предположить, что существуют такие ситуации, при которых эти несовпадающие элементы значения

становятся несущественными, а следовательно, данные слова оказываются взаимозаменяемыми. И, наоборот, — взаимозаменяемые в определенных ситуациях слова в других случаях выступают противопоставленными друг другу.

Вышеизложенное проиллюстрируем на материале художественной литературы. Так, в таджикско-персидской поэзии прилагательные *нили* — *голубой*, *самои* — *лазурный* в сочетании с существительным *чаши* — *глаза*, или в русском языке слова *малиновый*, *карминный* в сочетании со словами *зубы*, в определенных контекстах могут употребляться недифференцированно:

Намоён шуд ба чашимони самои

Каме аз хирсу эхсоти дилхо —

Под куполом синим на скудной земле,

Окрестности сущего тонут во мгле .

Сочетание *чашимони самои* переводится *голубые глаза*. Однако в приведенном выше контексте имеет значение — небесвод.

Хар он чи шиќ донад мо надонем,

Паямбарро кушод чашмони нилӣ —

Все что ведем любви, нам неведомо,

*Явилось видение пророку Чашмони нили — глу-
бые глаза, небосвод.*

*Все лицо имело нежный, ровный, фарфорово-
розовый оттенок, а малиновые, гибкие губы посто-
янно кокетливо шевелились (Куприн. Жидовка);
Любовалась (цыганка) красотой совет дочери, пла-
менем очей ее, правильностью карминных губ; т. е.
в данных контекстах противопоставление этих слов
по некоторым семантическим признакам нейтралि-
зуется.*

Однако эта позиционно обусловленная нейтра-
лизация не разрушает противопоставления слов в
пределах образуемой ими более «частной» парадиг-
мы. Ср., возможность индивидуально-контекстного
подчеркивания подобного противопоставления:
У Ули были очи, а не глаза. Сравнение такого рода
противопоставление также взаимозаменяемых в не-
которых ситуациях слов (в частности, в таджикском
языке):

Эй, умре шуд, ки то беморам аз мижгони ту,

Гӯ: Нигохе кун, ки пеши чаши шахло

мирамат —

Твои лукавые глаза меня в смятенье привели,

Молю, хоть искоса взгляни, от муки сердце

исцели.

Хафиз

Ду шахло наргисаи аз гиря чун гул,

Зи тоби чехраи мушк он ду сунбул —

Слез полны ее глаза,

С прекрасного лица ниспадают локоны.

Хофиз

Взаимозаменяемость слов в одних речевых условиях и их противопоставленность в других, как правило, свидетельствует об их принадлежности к лексико-семантическим парадигмам разных уровней — более частным, т.е. к группе слов, объединяемых на основе меньшего или большего числа дифференциальных признаков. Например, оценочные

прилагательные, характеризующие характер человека (выражение глаз) в таджикско-персидском языке: *пок, соф, беғубор, равшан, шаффоф, ноб — чистый*, противопоставлены друг другу по ряду признаков, которые существенны в пределах образумой этими прилагательными парадигмы: *Ѓурахои гирда, ки паи гул нўгашон мисли миҷғони баргаиша метобанд, њамчу чаимони шаффоф ва тоза менамоянд — Неспелые плоды округи из-под распустившихся почек были подобны прозрачной и чистой росе (чистым и ясным глазам); Ман инро, писарам, аз табассуми чаимони равшанаи мехондам — Все это, сын мой, я читал по его улыбке и чистому взгляду; Бале, тақрибан хамин тавр, — мегуфт Мирхабиб ва мо аз суханҳои нарму табассуми гарм ва дурахши чаимони софи ӯ шод мегардидем — Bravo, примерно так, говорил Мирхабиб, и мы радовались его мягким речам и приятной улыбке ;*

Оби ӯ хамчу ашки чаими зулол,

Бас гуворову сарду рохати чон —

Воды его подобны чистым слезам,

Довольно удовольствий и блаженства.

Гумном. Мехнома.

В то же время они входят и в более общую парадигму, в которой все вместе оказываются противопоставленными таким словам, как *мурдор*, *нафратовар* — *грязный*, образующим, в свою очередь, отдельную более частную парадигму. Взаимозаменяемые на одном семантическом уровне слова становятся противопоставленными на другом семантическом уровне. Крайние, предельные случаи подобной взаимозаменяемости и противопоставленности можно рассматривать как синонимию и антонимию.

Имеющее длительную традицию учение о синонимах и антонимах по существу является следствием (зачастую проведенных непоследовательно) наблюдений над семантическими связями слов, над тем, что «собственное» значение слова как-то обусловлено его соотношением с другими словами.

Правда, в трактовке синонимов и антонимов как раз сказывается в большей мере сила, так сказать, терминологической инерции, какая-то подсознательная уверенность в том, что синонимы и ан-

тонимы — это уже представленные исследователю «реалии» языка, которые подлежат только адекватному переводу. Между тем, например, само положение о том, что в языке не существует абсолютных синонимов (положение, повторяемое различными авторами), заставляет воспринимать данную категорию как до некоторой степени условное обозначение таких языковых явлений, которые могут быть истолкованы и названы неодинаково, в зависимости от принятых критериев. Если в языке, как правило, нет абсолютных синонимов, то самая синонимичность может, следовательно, иметь более или менее выраженный характер, а слова более или менее синонимичными. Значит, нет и абсолютной границы для синонимов, и трудность ее определения зависит, прежде всего, от самой природы устанавливаемой категории. Поэтому спор о том, что какая степень семантической близости свидетельствует о некоей подлинной синонимичности слов, может оказаться беспредметным.

Существует мнение о разном понимании синонимов, имея в виду, что одни называют синонимами, например, в русском языке, только слова типа

голова-башка, другие, напротив, исключая эти слова из синонимии, относят к синонимам *дождь-ливень*, *книга-фолиант*. Здесь следует говорить не о разном понимании синонимов, а о различном употреблении термина, о его применении не к тем же самым явлениям языка. Наивное, на наш взгляд, убеждение в том, что какие-то «реальные» синонимы уже ограничены в самом языке, приводит к трудности, отмеченной, например, А. И. Уемовым, который пишет: «Если мы хотим дать определение синонимов вообще, то мы должны выбрать одно из определений и отбросить все остальные... Таким образом, возникает затруднение: мы должны дать определение синонимов так, чтобы оно соответствовало реальным синонимам, но, с другой стороны, круг синонимов будет определяться в зависимости от нашего определения. Затруднение, по нашему мнению, здесь мнимое, так как круг синонимов будет действительно определяться тем определением, которое мы дадим им.

В отечественном языкознании, в частности, Б. Камолиддинов к синонимам относит следующие слова: «Чунин вохидхои лугавиро муродиф е хам-

маъно меноманд: ки дар мехвари маъноии онҳо як ҷанг маъноӣ асосӣ ба ҳамдигар мувофиқ меафтанд? Чунончи: маъноҳои *мутолиа кардан*: *даъват намудан*: *сурӯдан*: *хисобидан* ва гайра мехвари маъноӣ феъли «хондан-ро» ташкил медиҳанд? Муродифҳои лугавӣ аз ҷиҳати ҳаҷми маъно ҷеъдоӣ маъноҳои лугавӣ фарқ мекунад. Тафовути маъноҳои асосӣ ва тобиш ҷеълоҳои маъно як ҷиз нест. Дар силсилаи мурдифҳои *фикр-андеша-мулоҳиза* (*фикр кардан — андеша кардан андешидан*)- *мулоҳиза кардан*) ҳаҷми маъно як ҳел нест: *андеша — фикру мулоҳиза*: *таамул*: *фикри тадбирҷуена*: *хаел*: *фикру хаели истиробомез*: *тарс*: *бим*: *хавф*: *воҳима*: *андеша кардан*- *фикр кардан*: *таамул кардан*: *аз руи эҳтиёт фикру мулоҳиза кардан*: *тарсу бим доштан*: *фикр — андеша*: *таамул*: *хаел*. *Азм*: *қасд*: *ғам*: (*мачозан*): *мулоҳиза* (*мулоҳоза*) — *фикру андеша*: *назар андохтан*».

Вместе с тем можно возразить против смешения двух совершенно различных по характеру явлений: близости значений разных слов и их способности обозначать одни и те же предметы. Поскольку синонимы рассматриваются обычно как семантиче-

ская категория, только первый критерий можно считать существенным для определения синонимов.

Возможность выбора между различными словами, способными назвать тот же предмет, само по себе вообще часто не зависит от какого-либо семантического сходства или даже тематической однородности данных слов. Выше уже говорилось о том, что разные слова нередко служат обозначениями тех же явлений. В первую очередь это обусловлено тем, что сами явления действительности обычно могут быть охарактеризованы с разных сторон. Например, об одном и том же человеке можно сказать, назвав его по имени или же обозначив по должности, по профессии, по внешним признакам, внутренним качествам, по его взаимоотношению с кем-то или чем-то. Понятно, что в ряде случаев выбор признака, по которому обозначается данное лицо, отражает уже само по себе отношение к нему говорящего. Не приходится акцентировать внимание на том, что сам способ названия по имени или по имени и отчеству, или по фамилии и т.д. определенным образом отражает и взаимоотношение лиц, и общественное положение называемого, например, герой одной из

пьес Островского так говорит о себе: *(Петрович)*
Человек я тогда был состоятельный, дела вел
большие, конкурсами занимался Не Петровичем ме-
ня звали-то, а Иваном Петровичем Самохваловым
[527, с. 78].

Чаще других при выделении синонимов выдвигались такие признаки, как, во-первых, «тождественность или близость значения» слов, и, во-вторых, их «взаимозаменяемость». Оба соответствующих определения представляются вполне возможными, но они недостаточны, в связи с тем, что понятие «близости значения» остается в общем определенными, а «взаимозаменяемость» слов сама по себе допустима и в случаях, о которых только что говорилось, когда тот же предмет может быть назван совершенно по-разному в зависимости от того, как он понимается или какие его свойства говорящий хочет отметить.

Для того чтобы понятие взаимозаменяемости приобрело более четкие очертания, необходимо определить его в связи с некоторыми собственно языковыми факторами, не зависящими от произвола говорящего и многообразия конкретных речевых

ситуаций. Взаимозаменяемость должна пониматься в таком случае не как возможность замены одного слова другим, а как необходимость такой замены, но, понятно, не в конкретных речевых высказываниях, где такого рода необходимости быть не может, а при определении значения самого слова.

Если необходимо одним словом определить значение какого-либо другого и это можно сделать, нами, естественно, используются такие слова, которые должны расцениваться как взаимозаменяемые (а соответственно и «близкие» по значению).

Так, значение существительного *наргис* в таджикско-персидской поэзии мы можем определить при помощи слова *чаим* — глаза:

Пас он хохарони чахондор Чам,

Зи наргис гули сурхро дода нам — Щеки влажны от слез(дословно — щеки влажны от глаз)
(Фирдавси) [1, с. 858]

Чун шуда сер наргиси ту зи хоб,

Гули рӯи ту шустаам ба гулоб —

Ты выпалась (твои глаза насытились сном),

Смыв все сокровенное слезами.

Чоми [1, с. 858].

И больше, то, что в конкретном контексте многозначное слово выступает в определенном из своих значений, является следствием вполне регулярных соотношений данного слова с сочетающимися с ним словами, т.е. обуславливается лексической позицией данного слова. Например, в таджикско-персидском языках прилагательное *беором* — *беспокойный* — не способно в сочетании *кўдаки беором* — *беспокойное дитя*, иметь тоже значения, которое реализуется в сочетании *зулфи беором* — *растрепанные кудри*.

Следовательно, речь здесь должна идти не о возможности выбора какого-то значения, а о необходимости выбора. Аналогичный характер имеет необходимость синонимичной замены слова. В значении, которое выступает в сочетании *зулфи беором*, прилагательное *беором* определенно становится взаимозаменяемым с прилагательными: *парешон*, *мушавваши*, *ошуфтаахвол*, *дижам* — *растрепанный*:

Укда дар кори дилам бар сари хам рехтааст,

Хотире чамътар аз зулфи мушавваши дорам —

Вся душа полна страданья,

Узор твоих волнистых строк

(волнистых локонов)

лишь в душе моей живет.

[с. 190]

Зи бетобист зулф ошуфтаахвол,

Бувад чамъ аз шикобаи дили хол —

Беспокойны вьющиеся локоны твои.

(Хироти. Юсуф ва Зулайхо, с. 335)

Хусн аз паи махбубию дил гарми мухаббат,

То чанд тавон кард гирех зулфи дижамро —

Красота возлюбленной- сердце согрето

любовью,

Словно аркан ее вьющиеся локоны.

Махфи [1, с. 369]

*Ба дуо чамъ кунам зулфи парешони туро, хамчу
море,*

Ки шавад дами афсун халка —

Змеиные локоны твои собрав в клубок,

Лишил тебя я чары колдовства (Чоми) [ч. 1, с. 369].

Таким образом, явление синонимии может быть рассмотрено с точки зрения позиционно обусловленного значения, а соответственно — нейтрализации в определенных позициях противопоставления значений. При таком понимании синонимии, естественно, что степень синонимичности различных слов не может быть одинаковой.

Нетрудно заметить, что в приведенных выше примерах представлены разные в этом отношении ряды слов: Такие пары, как *нарцис — чаим — глаза*, с одной стороны, и *беором — парешон — беспокойный*, с другой, представляют крайние точки на «шкале» синонимичности. Первые приближаются к тому, что называют «абсолютными» синонимами, поскольку количество позиций, в которых их противопоставление нейтрализовано, является максимальным. Вторые можно было бы назвать «контекстно-обусловленными» синонимами, если бы с

этим обозначением не связывалось представление о так называемых контекстных синонимах, которые обычно понимаются как слова, смысловое сближение которых вообще индивидуально.

Однако «абсолютирование», отличие «абсолютных» синонимов от «относительных» не кажется оправданным, так как оно основано на представлении о независимости собственно лексического значения слова от его экспрессивно-стилистической значимости, разграничение которых не столь очевидно, когда речь идет не о терминологических «синонимах» (типа лингвистика — языкознание) и именах и глаголах с отчетливым денотативным значением, а о большой массе многозначных слов, значения каждого из которых (по самому определению) связаны друг с другом.

Когда И. А. Мельчук пишет: «От лексических синонимов разумно требовать только совпадения означаемых при совпадении части речи — все прочие их синтаксические и стилистические характеристики могут быть сколь угодно различными», то он, по мнению Д. Н. Шмелева, не учитывает, что стилистическая характеристика слова определяет не толь-

ко контекст, в котором возможно данное слово, но и то означаемое из соответствующей предметной области, которое может быть названо данным словом. Если даже согласиться с автором, что *спать* — *почивать* — *дряхнуть* — *кимарить*, *голова* — *башика* — это и есть «абсолютные, полные синонимы», то вряд ли можно с полной уверенностью утверждать, что их означаемые совпадают, скорее их означаемые все-таки не совсем «те же». Иначе трудно объяснить совместимость такого рода стилистических синонимов в речи, а также и возможность их противопоставления. Это особенно наглядно проявляется в русском языке: *Настанет день — печальный говорят! Отцарствуют, отплачут, отгорят, — Остужены чужими пятками, — Мои глаза, подвижные, как пламя, И — двойника нащупавший двойник — Сквозь легкое лицо проступит — лик* [563, с. 78]; *У жены твоей — очи и не губы — уста... Я люблю тебя очень! Но пред нею чиста* (Казакова. У жены твоей) [23].

Определение синонимии на основе понятия нейтрализации кажется наиболее приемлемым потому, что, во-первых, оно по существу соответству-

ет наиболее распространенному пониманию синонимов, во-вторых, соотносит одно из центральных явлений лексики (ср. соображения об асимметричности языкового знака) с явлениями, свойственными языку в целом.

Хотя попытки связать лексическую синонимию с фактором нейтрализации уже предпринимались, приходится признать, что ни в понимании синонимии, ни в понимании самой нейтрализации за пределами фонологии нет не только достаточной ясности, но даже общности сходных позиций.

В зависимости от лексического окружения, а также в целом ряде случаев от синтаксической позиции, слова выступают в «разных лексических значениях», что и заключается в снятии одного парадигматически закрепленного противопоставления и установлении другого. Таким образом, лексическая полисемия по существу связана с такого же рода нейтрализацией противопоставления, какое можно наблюдать в области грамматических значений. Именно такая нейтрализация и делает возможным относительно независимое применение слова в каждом из его значений. Отличие лексики заключается

в том, что применение слова в каждом новом значении связано с многообразным и многосторонним видоизменением его парадигматических соотношений с другими словами, в частности, и возможности синонимичных соответствий здесь и также гораздо больше.

Если признать сложность семантической структуры слова, очевидно, нельзя отрицать, что эта сложность (соответственно возможность разложить лексическое значение на элементы) обнаруживается только как следствие применения слова в различных контекстах, в результате чего выявляются и разнообразные соотношения данного слова с другими словами по определенным признакам. Трансформация этих соотношений в различных контекстах является свидетельством того, что отдельные семантические признаки слова неодинаково существенны (релевантны) при его различных употреблениях. Этим и обусловлено, то, что многие слова, имеющие общую семантическую «основу» (тему) становятся взаимозаменяемыми в некоторых контекстах, в то время как в других контекстах они противопоставлены друг другу по определенному семантическому

признаку. Подобное можно наблюдать в таджикско-персидской поэзии. Например, различие между словами *парешон* — *растрепанный* и *беором* — *беспокойный* во фразах типа: *мӯи парешон — растрепанные волосы; беороми накун — не проявляй беспокойство* — очевидно.

В приводимых ниже примерах:

Мебарад чамъият аз Ибн Ятим якбораги

*Нафхае, к-аз чини он **зулфи парешон** медамад — растрепанные локоны*

[506, с. 328];

Дод боди субхдам бо ошикон пайгоми дӯст,

*Бурд оромам ба бӯи **зулфи беороми** дӯст — беспокойные локоны —*

это различие стирается. Следовательно, происходит нейтрализация обусловленного указанным различием противопоставления.

Возможность такой позиционной нейтрализации противопоставления слов по определенному признаку при совпадении у них других семантиче-

ских признаков и делает их взаимозаменяемыми в определенных контекстах. Когда такие контексты представляют собой типизированные контексты (т. е. возможность семантической нейтрализации однозначно определяется синтагматическими условиями употребления слова), можно говорить о синонимичности соответствующих слов. Отсюда напрашивается вывод: синонимами являются не слова вообще, а слова в определенных значениях, определяемых типизированными контекстами их употребления.

Нейтрализация в этих случаях может иметь, так же как в случаях грамматической нейтрализации, различный характер: она может совершаться в пользу одного из членов противопоставления (как это было в случае синонимизации слов *парешон* — *беором*) она может быть следствием того, что различающий в других случаях данные единицы признак в данной семантической позиции становится несущественным для обеих единиц, как, например, при переносном употреблении некоторых слов, когда у значений «отсекаются» как раз некоторые из их специфических признаков.

Установление семантической близости между определенными словами на основании наличия у них общей семантической темы, как, например, *гневное, яростное состояние*, у прилагательных (в русском языке) *бешеный, гневный, жгучий, яростный* не означает еще само по себе их синонимичности в указанном понимании.

Для утверждения того, что те или иные из этих слов образуют «синонимические ряды», необходимо установить, что существуют семантические позиции, в которых противопоставление этих слов по каким-то признакам нейтрализуется. Нейтрализация вышеназванных прилагательных происходит в синтагматических позициях со словом *глаза*: *Я видел ее вспыхнувшее лицо, ее гневные и страдающие глаза* [549, с. 12].

Такое разграничение представляется необходимым ввиду того, что тематическая близость слов далеко не всегда свидетельствует об их взаимозаменяемости (в плане практических стилистических рекомендаций важно подчеркнуть именно те незначительные с первого взгляда семантические отличия,

игнорирование которых приводит к неоправданному смешению соответствующих слов).

Подытоживая сказанное, можно дать такое определение синонимов: синонимы — это слова, несовпадающими семантическими признаками которых являются только такие признаки, способные устойчиво нейтрализоваться в определенных позициях. Чем больше таких позиций, тем выше степень синонимичности соответствующих слов, тем чаще осуществления их взаимозаменяемость.

Сопоставительное изучение разных языков, имеющее большое значение для лингвистической науки, безусловно, является надежной основой не только для развития общего языкознания, но и для развития некоторых отдельных его направлений, в частности сравнительной лексики, ее систем и подсистем.

В данном параграфе мы более подробно рассмотрим также понятие субституция, которое тесно связано с понятием синонимия.

Поскольку неперенным и основным условием субституции является сохранение значения у неза-

мещенного компонента, то о субституции можно говорить в двух аспектах — как о таком замещении одного слова другим, при котором раскрывается способность незамещенного компонента сочетаться в данном значении с разными словами, принадлежащими к определенной лексической парадигме или парадигмам (например, в русском и таджикско-персидском языках; *деликатность* — *боадаби*; *девушка* — *духтар*; *мальчик* — *пичар*; *женщина* — *зан* и т. д., или *деликатный* — *боадабона*; *вопрос* — *суол*; *тема* — *мавзуъ*), и как о таком замещении, при котором сохраняется предметно-логическое содержание всего словосочетания (не меняется его номинация, его референтная отнесенность, например, в русском языке, *деликатная тема*, *деликатный разговор*, в таджикском и персидском языках данные словосочетания передаются сочетанием *масъалаи нозук*. И в том и в другом случае семантическая структура незамещаемого слова (точнее, его значение как элемента данного словосочетания) обнаруживается, с одной стороны, в результате объективного изучения контекстов его речевого употребления и определения его синтагматических связей, а с другой, в результате определения парадигматиче-

ских связей исследуемого слова через парадигматические связи сочетающегося с ним слова.

Следует сразу оговориться, что заимствованный из дескриптивной лингвистики термин «субституция» предусматривает взаимную замену слов в определенных контекстах как метод определения тождества-различия. В данном параграфе, говоря о субституции, мы имеем в виду не дистрибутивный анализ, то есть определение всех тех «окружений», в которых данная форма может встречаться, в отличие тех «окружений», в которых она встречаться не может, а существование вариантов словосочетаний.

Такое расширенное понимание термина субституция, которое было отмечено нами выше, в результате которого речь, по-видимому, должна идти о всех словах, сочетающихся с данным в том или другом его значении, по существу, подменяет собой синтагматику и представляется научно нецелесообразным. Поэтому в дальнейшем изложении термин субституция применяется для обозначения лишь второго из аспектов, то есть такого замещения как *деликатный (тема, разговор) — масъалаи нозук*, ко-

гда, как указывалось выше, сохраняется значение всего словосочетания в целом.

Поскольку субституция в этом смысле многими учеными считается одним из основных критериев при выделении синонимов, вопрос о субституции членов словосочетания, возникающий на синтагматическом уровне, теснейшим образом связан с проблемой парадигматических зависимостей слов и должен решаться на основе строго и точного научного определения понятия синонимии и отграничения его от понятия лексический ряд.

Системное изучение лексики языка позволяет на основе обращения к экстралингвистической реальности, на основе референтной общности, предметно-логических связей объединить близкие по своим вещественным значениям слова в лексические наборы, складывающиеся из лексических рядов. Могут ли все слова, составляющие один лексический ряд, считаться синонимами?

Согласно наиболее распространенному пониманию синонимии, синонимическими отношениями связаны близкие или совпадающие по значению

слова, выражающие одно и то же понятие, но отличающиеся один от другого оттенками значений, стилистической (экспрессивной) окраской, принадлежностью к определенному стилистическому слою языка. Синонимы часто определяются также как слова, обозначающие одну и ту же вещь, но выделяющие различные ее аспекты, или как тождественные по общему значению слова, различающиеся его оттенками и т. д.

В свете обсуждаемых в данном параграфе проблем, синонимы, обнаруживающие один из характернейших для лексического набора видов связи, определяются как те члены одного ряда внутри лексического набора (таким образом постулируется их принадлежность к одному лексико-грамматическому классу слов и единство исходного понятия), которые подчиняются общим закономерностям лексической сочетаемости в данном языке и которые, если перейти от языка к речи, вследствие семантической близости могут быть правильно употреблены лишь при точном знании различающих их семантических оттенков и стилистических свойств (здесь решается вопрос об общности номинации и, следо-

вательно, о возможности взаимозаменяемости). В этом — лингвистическом — определении учитываются как парадигматические, так и синтагматические свойства слов и указывается не только на принадлежность их к одному лексическому ряду, но и на общие закономерности их лексической сочетаемости.

Разница между этими определениями имеет принципиальное методологическое значение. Если мы признаем, что синонимия это лингвистическое явление, то и определение синонимов должно базироваться на лингвистических категориях, отражающих существование языка в речи и через речь. Первое же из указанных определений, вследствие, прежде всего, неопределенности понятий «близость», «оттенок» значений слов, «аспект вещи» не может считаться собственно лингвистическим.

Во-первых, о близких по значению словах можно говорить лишь в тех случаях, когда речь идет о моносемантических единицах, поскольку же основная, наиболее употребительная часть лексического состава языка состоит из полисемантических единиц, то близкими оказываются отдельные значе-

ния слов. В лексический ряд входят слова не во всем своем семантическом единстве, а лишь в том значении, которое оказывается семантически связанным с другими единицами, составляющими данный ряд и выступающими в нем в определенном значении. Так, например, в русском языке слово *широкий* входит в два лексических ряда:

А) в лексический ряд, который, по основному исходному понятию, можно обозначить как «просторность»;

Б) внутри лексического набора «размер».

А) *широкий* — *просторный*;

Б) *широкий* — *размашистый*. Например, *широкий в плечах*; *(Землемер) идет тем редким, приседающим, но размашистым шагом, каким ходят привычные к длинным дорогам люди: мужики и землемеры (Куприн. Болото) .Мы прилежно смотрели на просторную гладь океана.*

Таджикский синонимический словарь, который также исходит из того, что синонимы это приближение к «основному» значению другого слова, причем такое, при котором сохраняется определенный

оттенок его собственного «основного» значения. Здесь следует отметить, что вышеприведенный синонимический ряд русского языка с исходными значениями «просторность» и «размер» в таджикском языке отсутствует. Эквивалентами данных лексических рядов выступают

А) *широкий* — *васеъ, фарох, пахн; Кифти пахн* — *широкие плечи*;

Б) *просторный* — *васеъ, кушод, пахновар; Просторный зал* — *толори васеъ*.

Здесь важно отметить, что при решении вопроса о субституции необходимо учитывать особенности сочетаемости, свойственные данному языку. Например, в русском языке то обстоятельство, что слово *сердечный*, помимо значения прилагательного от *сердце* в первом значении, как в *сердечное заболевание, сердечный приступ* и т. п., по-видимому, обнаруживается на основании того факта, что оно способно сочетаться со словами, обозначающими *людей*, как в *сердечный человек, сердечная женщина, сердечные люди*. В словаре З. К. Александровой синонимами к слову *люди* называются *народ, публи-*

ка, люд. Они входят в лексический ряд, включающий слова *общество, коллектив, нация* и т. д. Но значит ли это, что по законам сочетаемости в русском языке будет правильно сказать *сердечный народ, сердечное общество, сердечный коллектив* и т. д.? Или, например, исходя из того факта, что сочетание *сердечная женщина* является аутентичным, можно ли сказать *сердечная тетья, сердечная старуха, сердечная дама* и т. п.?

Во-вторых, «близкими по значению», выражающими одно общее понятие, являются однокоренные слова, как например, в русском языке *глаза — глазастый — глазеть*, или в таджикском (персидском) языке *чаим — чаимак (глазок) — чаимак-бози (подмигивание друг другу)* и т. п., входящие в разные лексико-грамматические классы, которые, именно вследствие этого, не могут рассматриваться как синонимы, если исходить из принятого нами определения.

В-третьих, одну и ту же вещь, выделяя разные ее аспекты, можно обозначать разными словами, которые никак нельзя себе представить в качестве синонимов. В различных ситуациях об одном и том

же референте, например, в русском языке, *кошке*, можно сказать: *Она держит кошку. Это мой баловень. Почему вы настаиваете держать животных дома? О, посмотри на это пушистое существо!* Можно ли, на основании этого, считать слова *кошка*, *баловень*, *животное* и словосочетание *пушистое существо* синонимами? Притом, что в конкретных ситуациях эти слова называют один и тот же предмет, нельзя ставить вопрос не только о синонимичности, но даже об относительной близости их значений.

В-четвертых, в живом речеупотреблении «близкие по значению слова» могут не только выполнять свойственные синонимам функцию замещения, функцию уточнения или экспрессивно-стилистическую функцию, как, например, в следующих случаях:

А) *Академик Лев Владимирович Щерба принадлежит к числу выдающихся русских лингвистов...*

Б) *Полились сперва алые, потом красные, золотые потоки молодого, горячего света...;*

В) *Из лавок высовываются сонные физиономии* (ср.: лицо — физиономия).

Они могут также оказаться антонимически противопоставленными друг другу. Например, *У жены твоей — очи, и не губы — уста... Я люблю тебя очень! Но пред нею чиста* (Казакова. У жены твоей).

Вышеприведенные выводы свидетельствуют о своеобразии русского языка.

Совершенно очевидно, что «традиционное» определение синонимов, которое предполагает наличие некоей отдельной специфической подсистемы в системе лексики, лингвистически необоснованно. Такой подсистемы не существует. Синонимы обнаруживаются в пределах одного лексического ряда, поскольку о близости значений можно говорить лишь на основе принадлежности слова к одному такому ряду. Следовательно, понятие синонимии приобретает смысл, когда возникает вопрос о методах сопоставительного изучения наиболее близких друг другу членов одного лексического ряда. Здесь важно отметить, что синонимия может быть исполь-

зована также как один из методов исследования — при сравнительном сопоставлении эквивалентных лексических наборов разных языков.

4. СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИМЕН В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Исследователи едины во мнении, что без особого вида информации художественной, которая сосуществует с информацией смысловой и неотделима от неё, не может быть художественного текста. Поэтому изучение каналов и механизма создания художественной информации, установление закономерности её проявления можно считать актуальной задачей лингвистики текста.

Художественный текст — это сложная система взаимосвязанных элементов, каждый из которых, независимо от его статуса и функции в системе языка, может иметь художественную значимость. Полнозначные слова любой грамматической категории являются потенциальными носителями художественной информации, однако реализация потенциальных свойств разными частями речи имеет свою специфику, а также зависит от ряда факторов в тек-

стовой структуре каждого литературного произведения.

Каждое слово в тексте связано грамматическими семантическими связями с другими словами. И тот, и другой вид связи оказывают определённое влияние на становление индивидуально-художественного значения слова [Кухаренко 1976: 55–56]. Процесс этот может быть длительным, индивидуально-художественное значение слова может развиваться на протяжении целого текста и завершаться лишь в конце произведения, но возможно также, что слово приобретает особую художественную значимость в пределах микроконтекста словосочетания или контекста предложения [Колшанский 1959].

Уже соединение двух имён существительных таит в себе широкие возможности создания словосочетаний, несущих художественную информацию. Эти возможности заложены во взаимодействии грамматического значения словосочетания и лексических значений его слов, его составляющих. При сохранении одного грамматического значения субстантивного словосочетания и определённого отно-

шения между его конститuentами происходит выход за пределы нормативной семантической сочетаемости лексических единиц, конституирующих словосочетание. Результатом этого процесса является возникновение образно-переосмысленных, метафорических словосочетаний [Басилая 1972: 19]. Исследование метафорических именных словосочетаний, закономерности, регулирующих возможности их образования проводится в ряде работ, опубликованных в последнее десятилетие [Атоян 1976: 25—42].

Менее изученным остается текстовое взаимодействие имён, связанных на уровне парадигматики отношениями семантического сходства, семантической противоположности, а также отношением тематической общности. Проявление этого взаимодействия не столь явно, на нем не всегда фиксируется внимание получателя речи, однако использование в микроконтексте словосочетания или нескольких словосочетаний в предложении элементов одного семантического поля или тематической группы приводит к глубинному приращению смысла высказывания и имеет определённую стилистическую значимость. В пределах сложного субстантивного сло-

восочетания можно наблюдать семантическое взаимодействие между определениями-прилагательными, которые на синтагматическом уровне не связаны друг с другом, а относятся каждому из субстантивных конститuentов.

1) *machtige Rohrenstiefel aus dickem Leder* (Gr., S. 22);

2) *ein kleines Stuck der grossen Wahrheit* (Gr., S. 110);

3) *die nebl ige Kalte des fruhen Morgens* (Gr. W., S. 125);

4) *die schlanke Dienstlichkeit des biegsamen Korpers* (MW. S. 80);

5) *die giftige Festlichkeit des scheusslichen Umzuges* (Gr., S. 148).

Во всех приведённых примерах образность описания (мы включаем в это понятие также конкретно-наглядную образность) создаётся благодаря семантическому взаимодействию определений-прилагательных. Примеры иллюстрируют наиболее типичные случаи этого взаимодействия.

В примере 1 оба прилагательных относятся к одному семантическому полю и благодаря наличию общего семантического признака в структуре их значения происходит усиление одного из признаков денотата в описании. В примере 2 прилагательные связаны в парадигматике отношением антонимичности и создают антитезу во внутреннем контексте словосочетания, при том, что существительные, конституирующие словосочетания, не могут быть противопоставленных друг другу из-за отсутствия у них пересекающихся семантических признаков. В примере 3 прилагательные не связаны на парадигматическом уровне отношением семантической общности, но связаны причинно-следственным отношением и воспринимаются поэтому как взаимосвязанные элементы. Такая же зависимость существует между прилагательными в примере 4. В примере 5 прилагательные связаны наличием общего, а именно, негативного-экспрессивно-оценочного компонента в структуре значения. Взаимодействие прилагательных на семантическом уровне поддерживается при создании образа симметрией в структуре словосочетания. Элиминирование одного из прилагательных возможно с точки зрения сохранения

грамматической корректности словосочетания, однако привело, бы к разрушению его образно структуры.

Наблюдение над материалом дают основание поставить вопрос, представляющийся существенным, а именно всегда ли возможна семантическая и эмоционально-экспрессивная корреляции прилагательных, относящихся к двум конститuentам субстантивного подчинительного словосочетания или характер обобщенно-грамматического отношения между ядерным и зависимым конститuentами накладывает определённые ограничения на реализацию этой возможности?

Проведённое исследование позволяет выдвинуть гипотезу о том, что такие ограничения существуют. Обоснованием этой гипотезы пока может служить тот факт, что в материале исследования семантическое взаимодействие между оопределенными-прилагательными представлено в словосочетаниях, между субстантивными конститuentами которых реализуется отношение: часть — целое; предмет — материал; признак — носитель признака. Наиболее часто семантическое и экспрессивное вза-

имодействие прилагательных реализуется в словосочетаниях, где ядро обозначает признак, а зависимый член — носителя признака.

Определённую стилистическую значимость имеет также семантическое взаимодействие сочиненных определений-существительных в субстантивном подчинительного словосочетании. Семантическая общность или одноплановость компонентов сочиненной группы является одним из её характерных признаков. При отсутствии семантической общности у компонентов сочиненной группы в парадигматике их семантическое сближение может происходить в условиях определённого контекста [Шишкова 1971: 26—27]. Одним из таких контекстов является субстантивное словосочетание, в котором к одному ядру относятся два несогласующихся определения.

Уже простое объединение двух семантических одноплановых и нормативно сочетающихся с ядром определений повышает конкретную наглядность изображения : ein Hauflein von Asche und Scherben (A. Segh., S. 110).

При объединении двух семантических разноплановых существительных-определений в сочинительную группу при одном ядерном конституенте может возникать эффект их семантической близости, если словосочетание в целом создаёт единый индивидуально-языковой образ, например: ein Zwielicht von Nacht und Silber (Fed., S. 29).

Созданию эффекта семантической близости определений и единого индивидуально-языкового образа в контексте словосочетания способствует фонетическое оформление сочиненной группы с помощью анафоры, эпифоры или внутренней рифмы:

unter Wahrung von Sitte und Sittlichkeit (MW, S. 31);

die nahe Verwandtschaft von Wunder und Wunde (Chr. W., S. 212).

Единый языковой образ создаётся в словосочетаниях не только при узуальной или контекстуальной близости семантики компонентов сочиненной группы, но и при их семантической противопоставленности:

der strenge Rhymus von zerreissender Anstrengung und Entspannung (Chr. W., S. 156);

im frischen Wind der Rede und Gegenrede (MW., S. 112).

При более сложной структуре словосочетания в семантическое взаимодействие могут вступать различные его компоненты.

Например:... als Problem des richtigen oder falschen Bewusstseins, des festen oder schwankenden Standorts (GdB, S. 148). В приведённом словосочетании два несогласующихся определения к ядру обладают семантической общностью, а согласующиеся определения к каждому из них связаны отношением антонимии. Симметрия семантики каждого из определений и параллелизм структуры создают эффект усиленного семантического повтора. Отношения семантической близости или противопоставленности могут связывать не только имена существительные и прилагательные в составе одного словосочетания, но и конститuenty нескольких словосочетаний, входящих в одно предложение. Эти отношения

связывают однофункциональные конститuenty словосочетаний, так сказать, по вертикали.

1) Sie kreiste zwischen Allen moglichen Ankommlingen, zwischen Gruppen von Monchen, zwischen seltsamen Scharen von Maurern oder Bauern (A. Segh., S. 82).

2) Sie horen nur das Kratzen von Overbecks Feder, das Knistern von Papier... (GdB, S. 47).

3) Jammern und Weinen, Stöhnen und Rocheln verklag im Krachen der umgesturzten Stuhle und Tische, im Zerkirren der Bierglaser (Gr., S. 137)

4) ... durchzittert vom Stampfen der Rader und von Pfeifen der Luft (Dur., S. 11)

5) ... da ist ein Klicken von metallenen Kugeln zu horen, ein Flirren von rotierenden Scheiben, verstummelte Rufe dringen daruber (S. Lenz).

6) Von hinten, von oben... kommt der Larm, das Husten, das Knarren der Sitze, das kaum noch gedampfte Reden, das leise Schurren der Fusse. Das man noch als unbeabsichtigt auffassen kann (GdB, S. 121).

7) ... da nicht Illustrierung des Bekannten, sondern Entdeckung des Unbekannten, Neuen Seine Aufgabe ist (GdB, S. 135).

8) Was hier vor ihren Augen beginnt, kann das Ende ihres lang gehuteten Geheimnisses sein, der Anfang einer Katastrophe für alle Beteiligten, der Anfang vom Ende ihres sicheren Glucks. (GdB, S. 141).

Приведённые примеры показывают, что однотипные субстантивные словосочетания формируются вокруг ядерных конstituентов, являющихся однородными членами предложения и выполняют в предложении различные синтаксические функции (подлежащего, дополнения, обстоятельств). Словосочетания связаны друг с другом в структуре предложения как с помощью сочинительных союзов, так и бессоюзной связью. В большинстве случаев они контактно соположены, но могут быть и дистанцированы друг от друга словосочетанием другой структуры или другим членом предложения (примеры 5, 6). Степень распространённости каждого из словосочетаний может быть различной. Релевантными признаками всех представленных словосочетаний являются их синтаксическая однофункцио-

нальность и однотипно обобщенно семантическое отношение между их конститuentами (что отражается в одинаковом грамматическом оформлении зависимых членов).

Семантическая или тематическая общность связывает словосочетания «по вертикали»: ядро первого словосочетания с ядром второго, зависимый член первого с зависимым членом второго. При этом общность одного из конститuentов является визуальной, реализуется в парадигматике, а эффект взаимосвязи другого конститuenta возникает лишь в данном контексте.

Так, в примере 1 оба конститuenta обладают общими семантическими признаками в парадигматике (Gruppen — Scharen являются синонимами, Monche, Mauern, Bauern связаны признаками антропономичности и профессионально-социальной принадлежности).

Общие семантические признаки имеют также существительные (см. пример 5) Klicken — Flirren (семантические признаки движения, звука) и Kugeln — Scherben (детали целого, круглая форма).

В примерах 2, 3 ядерные конститuentы связаны акустическим образом, лежащий в основе их значения, а зависимый — принадлежностью к одному тематическому (ономасиологическому) полю.

В примере 4 при звукодражательной семантике ядерных членов зависимые члены не связаны ни семантической, ни тематической общностью. Однако в контексте обоих словосочетаний в них анализируется один и тот же семантический признак, который не эксплицируется в парадигматике, а именно — источник звука.

Таким образом, синтаксическая однофункциональность и грамматическая однотипность словосочетаний на лексическом уровне дополняется ещё одной формой общности, которую можно назвать семантической симметричностью словосочинений, возникающий также при противопоставленности, антономичности одного из контекстов словосочетаний (примеры 7, 8).

Эффект семантической симметричности усиливается благодаря взаимодействию имён на словообразовательном и фонетическом уровнях: общностью

словообразовательной структуры семантики коррелирующих элементов (примеры 2—7), их одинаковой фонетической инструментированностью (звукотрагические слова в примерах 2—6), анафорой и эпифорой. Во всех случаях семантическая симметричность словосочетаний в структуре предложения является стилистически значимой, так как благодаря ей происходит интенсификация описания существительных признаков денотата, дополнительное выделение отдельных элементов высказывания, а во взаимодействии со средствами фонетического уровня создание определённых звуковых образов и оформление ритмико-мелодического рисунка предложения.

Исследованный материал даёт основание делать вывод, что 1) для художественного текста имеет значение не только семантическое взаимодействие имён, результатом которого являются образно-переосмысленные словосочетания (метафоры) и 2) стилистическую значимость имеет также взаимодействие имён, не связанных друг с другом в структуре словосочетания или предложения прямой грамматической зависимостью.

5. ОСНОВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРЕДАЧИ СЛОВА КАК ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ

При передаче значения слова в переводе обычно приходится проводить выбор между несколькими теоретическими возможностями. А. В. Фёдоров, например, выделяет среди них три наиболее характерных: 1) в языке перевода нет словарного соответствия тому или иному слову подлинника (вообще или в данном его значении) ; 2) соответствие является не полным, т. е. лишь частично покрывает значение иноязычного слова; 3) различным значениям многозначного слова подлинника соответствуют различные слова в языке перевода, в той или иной степени точно передающие их. Это обусловлено тем, что словарный состав языка представляет собой не просто совокупность слов, а систему, допускающую бесконечно разнообразные, но не любые сочетания слов в любом сочетании слов в любом контексте. Отдельные элементы словаря связаны друг с другом определёнными смысловыми и стилистическими отношениями. Это обстоятельство даёт о себе

знать при переводе сопоставляемых лексических единиц в разнородных языках.

Целью данного параграфа является сопоставительное изучение русских и английских существительных со значением «свадьба» в речевой структуре на синхронном срезе. В связи с этим необходимо дать представление о традициях и обычаях народов, населяющих Россию и Англию, а именно — об особенностях свадебного обряда в обеих странах.

Свадьба — это праздник яркий, весёлый и одновременно чуть грустный.

На Руси испокон веков никакое другое событие в жизни человека не отмечалось так торжественно, не сопровождалось таким количеством обрядов, песен, хороводов. К свадьбе всегда готовились, шли на это своеобразное представление с шутками, прибаутками. Не случайно поэтому при упоминании о старинной русской свадьбе сразу возникают ассоциации, связанные с такими её театрализованными, игровыми моментами, как помолвка, сватовство, девичник, выкуп невесты.

С тех давних пор в свадебном обряде произошли значительные изменения, но и нашим советским свадьбам свойственны прекрасные традиции: благословение, приветствие молодых коллективом, где они работают или учатся, встреча на пороге родительского дома хлебом-солью.

Церемония бракосочетания сейчас довольно короткая, но торжественная. Особенно украшают ритуал бракосочетания инструментальное исполнение гимнов, посвящённых молодым. Английская свадьба — это не менее торжественный ритуал. Существуют там и свои традиции, например, для англичанина фраза «готовить рис» означает готовиться к предстоящей свадьбе. Обычай осыпания молодых рисом после брачной церемонии знаменует собой то же самое, что и русский обычай осыпания новобрачных зерном: да будет ваш дом полной чашей, да не испытаете вы никогда невзгод и лишений!

В день торжественных церемоний на улицах Лондона так же, как на улицах Москвы, можно увидеть машины, увитые лентами и цветами — раскрашенные свадебные поезда.

Современные традиции имеют очень много общего, что, в свою очередь, объясняется универсальными свойствами праздника. Но существуют и определённые различия в свадебных традициях, которые обуславливаются многовековым укладом, опытом, обычаями народа.

Таким образом, говоря о формах празднования русских и английских свадеб, мы можем прийти к заключению о том, что, хотя для обоих народов это праздник весёлый, торжественный, очень важный, у англичан все-таки нет того многообразия свадебных обрядов, которое существует у русских, нет в их рядах той лиричности и художественной закреплённости, которые так характерны как для старинной русской свадьбы, так и для современной. Об этом свидетельствует и тот факт, что англичане, которым так свойственна традиционность в их жизненном укладе, свадебному обряду уделяют очень мало внимания в произведениях художественной литературы, даже в таких, которые описывают жизнь нескольких поколений. А если даже и упоминают о свадебном празднестве, то сдержанно, без детального описания самого обряда, чего мы не мо-

жем сказать о произведениях русской художественной литературы, на страницах которой порой на протяжении нескольких глав идёт описание пиршества, так как в русском языке слово «свадьба» само по себе уже означает обряд шумный, весёлый.

Здесь очень уместно сказать о таком явлении, как пресуппозиция, т. е. «о той предварительной информации о каком-либо предмете, которая известна говорящему. Пресуппозиция предопределяет самую возможность употребления в речи того или иного языкового элемента. Но в зависимости от традиций и обычаев разных стран эта информация имеет дополнительную окраску, даже при описании одного и того же события, например, свадьбы. Таким образом, это ещё раз доказывает неразрывную связь лингвистического и экстралингвистического.

В нашем исследовании оба фактора рассматриваются в неразрывном единстве, ибо... как бы ни старались некоторые исследователи провести раздел между лингвистическим и экстралингвистическим, мир слов неотделим от мира вещей.

Настоящее исследование проводится в двух планах: плане языка — первый этап сопоставления и в плане речи — второй этап сопоставления. Иначе говоря, учитываются, во-первых, данные словарей, во-вторых подробно изучаются лингвистические связи существительных в текстах.

Задачей первого этапа сопоставления является выявление тождественных лексико-семантических вариантов соотносительных по семантике слов и установление коэффициентов семантической близости для каждой пары слов русского и английского языков.

Тождественными считаются лексико-семантические варианты двух существительных, которые в основном совпадают в своих значениях и имеют частично совпадающих круг сочетаемых с ними слов.

Степень семантической близости каждой пары существительных определяется по известной формуле С. Г. Бережана:

$$2 \text{ с } V = \frac{\text{-----}}{m_1 + m_2},$$

где s — количеством тождественных лексико-семантических вариантов соответствующей пары существительных; m_1 и m_2 — общее число лексико-семантических вариантов каждого существительного, зафиксировано в наиболее полных словарях; v — коэффициент семантической близости существительных.

Для существительных исследуемых лексико-семантических групп были установлены коэффициенты семантической близости:

свадьба — wedding = 0,9 венчание — wedding = 0,5

свадьба — marriage = 0,6 венчание — marriage = 0

свадьба — nuptials = 0,9 венчание — nuptials = 0,7

свадьба — betrothal = 0,4 венчание — betrothal = 0,4 бракосочетание — wedding = 0,5 обручение — wedding = 0,6

бракосочетание — marriage = 0,7 обручение — marriage = 0

бракосочетание — nuptials = 0,5 обучение —
nuptials = 0,7

бракосочетание — betrothal = 0 обучение —
betrothal = 1

Итак величина коэффициента может варьироваться в пределах от 0 до 1, что является внешним, формальным показателем их большей или меньшей семантической близости. В результате проведённого исследования были выявлены пары слов наиболее семантически близкие:

свадьба — wedding бракосочетание — marriage

свадьба — nuptials венчание — nuptials

Таким образом, способ сопоставления исследуемых существительных в парадигматике определяются как непосредственное наложение одной системы значений многозначного слова на другую и определение их близости и различий.

Коэффициенты семантической близости, полученные на парадигматическом этапе сопоставления, проверяются на синтагматическом этапе степенью совпадения сочетаемости существительных.

Второй этап сопоставления опирается на анализ материалов выборки и представляет собой комплекс аспектов исследования существительных в речи, синтагматике.

С целью выявления основных тенденций в лексической сочетаемости анализируемых русских и английских существительных были выявлены одинаковые группы существительных, прилагательных и глаголов. Определённый круг этих групп, сочетающихся с исследуемыми существительными в одном из его значений (лексико-семантическом варианте), является его валентным набором. Валентный набор может быть формальным признаком не только для разграничения отдельных значений, но и для выявления сходства и различия двух соотносительных существительных русского и английского языков, сопоставляемых по общему признаку (т. е. тождественному лексико-семантическому варианту) в смысловых вариантах. Поэтому исследование и сопоставлении лексической сочетаемости существительных двух языков проводится по линии тождественных лексико-семантических структур с тем, чтобы черты сходства и различия носили именно

синтагматический характер, являлись бы результатом действия лексико-семантической системы, а не создавались бы за счёт различий уже в самой системе, влекущих за собой и разницу в функционировании слов.

Для выделения валентных наборов существительных целесообразно использовать анализ конкретных случаев их сочетаемости по материалам выборки. Нами было высказано предложение, что тождественны лексико-семантические варианты соотносительных существительных английского и русского языков должны иметь во многом совпадающие валентные наборы. Оно подтвердилось в результате сопоставления лексической сочетаемости русских и английских существительных, с учётом данных синтагматического этапа их сопоставления.

Исследование лексической сочетаемости русских и английских существительных показало, что для имён существительных обоих языков характерна сочетаемость с именами существительными, прилагательными глаголом. Но нужно отметить следующее: если для английских существительных более характерна определяемость определённого

круга обычно сочетающихся с ними прилагательных и глаголов, нежели его широта, то русским существительным свойственно многообразие сочетающихся с ними прилагательных и глаголов.

Пары слов с наибольшей семантической близостью	Валентные наборы существительные	прилагательные	глаголы
свадьба	день		веселая
готовиться			
	месяц		шумная
приглашать			
	приглашение		
прекрасная	праздновать		
	подарок		
великолепная	быть		
	сестра		
	друг		
wedding	day		joyous
to prepare			
	month		noisy

to invite	invitation	beautiful
to celebrate	sister	splendid
to be	friend	

бракосочетание		день
торжественное	назначать время	
оригинальное	назначать брат	
проходить	приглашение	
быть		

	marriage	
day	solemn time	to fix
original	to invite brother	
to take place	invitation	
to be		

венчание	день
назначать	
	время
проходить	
	час
продолжаться	
присутствовать	
<hr/>	
betrothal	day
take place	
	time
to continue	
	hour
to fix	
<hr/>	

Эмоциональный характер человеческой речи проявляется в значении слов. Слова с общим понятийным ядром могут существенно различаться по эмоционально-экспрессивной окраске как внутри одного языка, так и на межъязыковом уровне.

Экспрессивно окрашенные средства неравномерность представлены в двух языках. В английском языке непосредственно выразительность в значениях слов представлена слабее, чем в русском. Это объясняется особенностями словообразований в обоих языках. В русском языке имеется много продуктивных суффиксов субъективной оценки (уменьшительно-ласкательных) и поэтому в слове сразу ощутима стилистическая окраска, например:

Пирком, ладком, да за свадебку (рус. народная пословица).

Анализ отражения семантики русских существительных в английском языке и английских существительных в русском может быть представлен следующей схемой:

свадьба — wedding

бракосочетание — marriage

венчание — nuptials

обручение — betrothal.

Из данной схемы можно сделать несколько исключений: когда семантика русского слова «свадь-

ба» при переводе передаётся в английском языке не одним словом, а сочетанием слов, например:

Свадьбу стоило посмотреть (М. Шолохов).

The bridal party was worth seeing (M. Sholokhov).

Свадьба была в полном разгаре (А. П. Чехов).

The wedding festivities were in full swing (A. P. Chekhov).

Эта же закономерность наблюдается и при переводе с английского языка на русский:

After the marriage ceremony the bride and bridegroom left immediately for Paris (W. M. Thackeray).

Сразу же после свадьбы новобрачных уехали в Париж (У. М. Теккерей). «You know», — said Florence, — that we shall have no marriage party» (Ch. Dickens).

«Ты знаешь, что у нас не будет пышной свадьбы,» — сказала Флоренс (Ч. Диккенс). Исследование семантических структур и сочетаемости существительных русского и английского языков позволяют сделать следующие выводы:

1. Существительные английского и русского языков наряду с различиями, имеют много сходных черт в семантике и в сочетаемости. Сходные черты во многом обусловлены их одинаковой экстралингвистической направленностью, а черты различия отражают внутренние особенности, своеобразие национальной таксономии каждого языка.

2. Предположение о наличии значительного сходства в лексической сочетаемости существительных в синтагматике, обладающих высоким коэффициентом семантической близости в парадигматике, полностью подтверждается при анализе всех пар существительных. Существительные английского и русского языков могут быть близки друг к другу в разной степени, что формально выражается в разных коэффициентах семантической близости в различной степени совпадения их валентных наборов.

3. Диапазон лексической сочетаемости русских существительных шире, чем у англичан. Для английских существительных более характерна повторяемость определённого круга обычно сочетающихся с ним слов, чем широта этого круга.

4. Экспрессивно окрашенные средства выражения неравномерность представлены в двух языках. В английском языке непосредственность в значениях слов представлена слабее, чем в русском.

5. Учёт переводческого аспекта при сопоставительном изучении языков даёт возможность не только более чётко вскрыть специфику изучаемого явления в каждом языке, но и познать его существенные признаки. За этими знаниями как в страноведении, так и в сопоставительном языкознании и теории перевода закрепилось в последнее время определение «фоновые».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важно отметить, что лексико-семантические группы слов представляет собой собственно языковые единицы, продукт исторического развития того или иного языка. Слова, выражая свои собственные значения, в рамках одной лексико-семантической группы в то же время оказываются связанными между собой отношениями, не безразличными для их собственных значений. Это отношение синонимии, антонимии, всякого рода уточнения, дифференциации и обобщения близких или сопредельных значений. Обусловленные разными причинами изменения этих отношений оказывают воздействие на развитие значения отдельного слова (значения расширяются, суживаются, так или иначе, видоизменяются), на самый состав лексико-семантической группы и ее дальнейшую судьбу (рост или сужение количества компонентов группы и даже ее распад, замена одних слов другими).

Лексико-семантические группы слов, конечно, не изолированы друг от друга. Можно полагать, что связи между ними осуществляются двумя основны-

ми способами: во-первых, путем своеобразного параллелизма или соприкосновения всего круга значений одной группы с кругом значений других групп, во-вторых, посредством разнообразных семантических связей одного члена группы с другими словами, не входящими в данную группу. Эти способы могут реализоваться и в комбинированном виде.

Языковое поле не просто равнозначно совокупности синонимов; для понимания поля в точном смысле более важны следующие его черты: содержательная значимость слов не может быть понята, исходя из отдельного слова; в содержательном плане каждое слово зависит от всего состава поля близких по смыслу слов. Смысл слова определяется содержанием его соседей по полю. Как только хотя бы одно слово включается в поле или выпадает из него, тем самым затрагивается каждое другое слово этого поля, изменяются содержательные границы каждого слова в поле. В результате для каждого конкретного языка и для каждого его носителя вырисовывается некоторое плотное, без пропусков покрытие, явления внешнего мира упорядочены в этой понятийной системе так, что не заметно никаких

пробелов. Это смысловое членение выступает как языковая способность носителя языка, определяет его понимание, мышление и речь. Иное членение на поля в иностранных языках или в другие исторические периоды родного языка осуществляется по-другому, но в основе тоже лежит упорядочение без пробелов. Сказанное можно свети к следующим взаимосвязанным пунктам:

- принцип целостности;
- принцип упорядоченности;
- принцип взаимоопределяемости;
- принцип произвольности границ;
- принцип сплошности.

Одним из основных свойств семантического поля является то, что оно образуется множеством значений, которые имеют хотя бы один общий семантический компонент.

В силу указанного свойства семантические поля суть классы пересекающиеся; единственного разбиения словаря на семантические поля, если не принимать искусственных принципов классификации

или иными дифференциальными признаками, не существует; из любого семантического поля, через более или менее длинную цепочку посредствующих звеньев, можно попасть в любое другое поле, так что пространство языка оказывается в этом смысле непрерывным.

Следует заметить, что слова в любом языке не стоят изолированно, но всегда упорядочены в семантические группы; при этом имеются в виду не этимологические объединения, построенные вокруг иллюзорных «корней», а такие, в которых реальное смысловое содержание слов связано с таким же содержанием других слов. Однако эта связь понимается не как бесконечно тянущиеся друг за другом ассоциативные нити, а таким образом, чтобы вся эта группа очерчивала границы определенного поля значений, которое в свою очередь само членится: как в мозаике соединяется здесь слово со словом, одно вплотную к другому, так что в итоге их контуры совпадают, и все вместе они восходят к смысловому единству высшего порядка.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арнольд, И. Д. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения / И. Д. Арнольд // Вопросы языкознания. — 1982. — № 4.
2. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: (Логико-семантические проблемы) / Н. Д. Арутюнова. — Москва : [б. и.], 1976.
3. Арутюнова, Н. Д. О типах диалогического стимулирования // Теория и практика лингвистического описания иноязычной разговорной речи. Труды Горьковского педагогического института иностранных языков. — Горький, 1972. — Вып. 49. — С. 3–5.
4. Бархударов, Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. — Москва : [б. и.], 1975.

5. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : [б. и.], 1979.
6. Берков, В. П. Слово в двуязычном словаре / В. П. Берков. — Таллин : [б. и.], 1977.
7. Бондарко, А. В. Грамматическое значение и смысл / А. В. Бондарко. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1978. — 176 с.
8. Ванников, Ю. В. Функционально-прагматическая классификация и типы адекватности текстов / Ю. В. Ванников // Семантика языковых единиц и текста. — Москва : [б. и.], 1979.
9. Ванников, Ю. В. Понятие адекватности текста и типы адекватности перевода / Ю. В. Ванников // Уровни текста и методы его лингвистического анализа. — Москва : [б. и.], 1982.
10. Верещагин, Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян /

- Е. М. Верещагин. — Москва : [б. и.], 1972. — Кн. 2.
11. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. — Москва : Наука, 1986. — 268 с.
 12. Гак, В. Г. Прагматика, узус и грамматика речи / В. Г. Гак // Иностранные языки в школе. — 1982. — № 5. — С. 11–17.
 13. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — Москва : [б. и.], 1981.
 14. Канонич, С. И. Смысл — текст — контекст — перевод / С. И. Канонич // Смысл текста как объект перевода. — Москва, 1986. — С. 5–10. — (Труды Московского государственного педагогического института иностранных языков им. М. Тореза ; вып. 278).
 15. Канонич, С. И. Виды пресуппозиций коммуникантов / С. И. Канонич // Язык как коммуникативная деятельность человека. — Москва, 1987. — С. 20–26. — (Труды

Московского государственного педагогического института иностранных языков им. М. Тореза и ИЯ АН СССР ; вып. 284).

16. Кифер, Ф. О роли прагматики в лингвистическом описании. / Ф. Кифер // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1985. — Вып. XVI : Лингвистическая прагматика. — С. 333–348.
17. Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка / Г. В. Колшанский. — Москва : [б. и.], 1984.
18. Комиссаров, В. Н. Роль языковых значений в речевой коммуникации / В. Н. Комиссаров // Контекстная семантизация лингвистических единиц. — Москва, 1984. — С. 51–68. — (Труды Московского государственного педагогического института иностранных языков им. М. Тореза ; вып. 238).
19. Комиссаров, В. Н. Эксплицирование как проблема перевода / В. Н. Комиссаров // Проблемы прикладной лингвистики : те-

- зисы докладов Всесоюзной конф. —
Москва : [б. и.], 1969. — Ч. 1.
20. Комиссаров, В. Н. Лингвистика перевода /
В. Н. Комиссаров. — Москва : [б. и.],
1980.
21. Комиссаров, В. Н. Перевод и языковое
посредничество / В. Н. Комиссаров // Тео-
рия перевода. — Москва : [б. и.], 1984. —
Вып. 21.
22. Конрад, Р. Вопросительные предложения
как косвенные речевые акты / Р. Конрад //
Новое в зарубежной лингвистике. —
Москва : Прогресс, 1985. — — Вып. XVI :
Лингвистическая прагматика. — С. 349–
383.
23. Копанев, П. И. Вопросы истории и теории
художественного перевода / П. И. Копанев. —
Минск : [б. и.], 1972.
24. Латышев, Л. К. Общественная детермини-
рованность перевода и переводческая эк-
вивалентность / Л. К. Латышев // Текст

- как инструмент общения. — Москва : [б. и.], 1983.
25. Латышев, Л. К. Проблема эквивалентности в переводе : дис. ... д-ра филол. наук / Латышев Л. К. — Москва, 1983.
26. Леонтьева, Н. Н. Семантический компонент в системах автоматического понимания текстов: обзор / Н. Н. Леонтьева. — Москва : [б. и.], 1982.
27. Леонтьева, Н. Н. Информационная модель системы автоматического перевода / Н. Н. Леонтьева // НТИ. Сер. 2. — 1985. — № 10 : Лингвистические вопросы алгоритмической обработки сообщений.
28. Марчук, Ю. Н. Преодоление языковых барьеров в условиях языковых общностей современного общества / Ю. Н. Марчук // Типы языковых общностей и методы их изучения : тезисы докладов Всесоюзной конф. — Москва : [б. и.], 1984.

29. Мюллер, В. К. Англо-русский словарь / В. К. Мюллер. — Москва : Русский язык, 1982.
30. Налимов, В. В. Вероятностная модель языка: (О соотношении естественных и искусственных языков) / В. В. Налимов. — Москва : [б. и.], 1979.
31. Новикова, М. А. Проблемы индивидуального стиля в теории перевода : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М. А. Новикова. — Ленинград : [б. и.], 1980.
32. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — 18-е изд., стереотип. — Москва : Русский язык, 1986.
33. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. — Москва : Международные отношения, 2007. — С. 38, 45.
34. Селиверстова, О. Н. Экзистенциальность и посессивность в языке и речи : дис. ... д-ра филол. наук / Селиверстова О. Н. — Москва, 1983.

35. Сизова, И. А. Становление германского глагольного словообразования (на материале готского языка) / И. А. Сизова. — Москва : [б. и.], 1978.
36. Словарь синонимов русского языка : в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — Ленинград : Наука, 1971.
37. Уфимцева, А. А. Лексическое значение / А. А. Уфимцева. — Москва : Наука, 1986. — 138 с.
38. Фёдоров, А. В. Основы общей теории перевода / А. В. Фёдоров. — Москва : [б. и.], 1968.
39. Цвиллинг, М. Я. Буквализм в переводе и его продолжение при помощи приема рекомбинации элементарных значений / М. Я. Цвиллинг // Лингвометодические основы преподавания иностранных языков. — Москва : [б. и.], 1979.
40. Чернов, Г. В. Смысловая имплицативность как основа понимания речевого сообщения / Г. В. Чернов // Проблемы кон-

текстной семантизации лингвистических категорий. — Москва : [б. и.], 1984. — Вып. 238.

41. Шаляпина, З. М. Автоматический перевод как моделирование переводческой деятельности человека / З. М. Шаляпина // Международный форум по информации и документации. — 1980. — Т. 5, № 2.
42. Швейцер, А. Д. О взаимодействии разноразличных средств выделения темы и ремы в высказывании / А. Д. Швейцер // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikation Forschung. — 1980. — Bd 33, N 3.
43. Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. — Москва : Воениздат, 1978. — 126 с.
44. Bolinger, D. L. Linear modification / D. L. Bolinger // Publications of the Modern Language Association of America. — 1952.

45. Ducrot, O. *Dire et ne pas Dire Principe de sémantique linguistique* / O. Ducrot. — F. : Hermann, 1972. — 283 p.
46. Hiltunen, R. *The decline of the prefixed and the beginnings of the English phrase and verb* / R. Hiltunen. — Turku, 1983.
47. Lindemann, J. W. R. *Old English preverbal ge- : Its meaning* / J. W. R. Lindemann. — Charlottesville, 1970.
48. *Roget's Thesaurus of English Words and Phrases* / New. Ed. Revised, modernised and abridged by Robert A. Dutch. — London : Penguin, 1978.
49. Rosen, H. *Old high German prepositional compounds in relation to their Latin originals* / H. Rosen // *Language Dissertations*. — Philadelphia, 1934. — N 16.
50. Schuman, K. *Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen* / K. Schuman. — Berlin, 1958.

51. The Concise Oxford Dictionary of Current English. — 7th ed. / edited by J. B. Sykes. — Oxford : At the Clarendon Press, 1984.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Абу Али ибн-Сина. Рисолаи «Ишк» / Абу Али ибн-Сина // Избранные произведения : в 10 т. / Абу Али ибн-Сина. — Душанбе : [б. и.], 1980. — Т. 2. — С. 8—124.
2. Ажаев, В. Далеко от Москвы / В. Ажаев. — Москва : Вече, 2014. — 165 с.
3. Андреев, Л. Н. Полное собрание сочинений и писем : в 23 т. / Л. Н. Андреев ; сост. В. Н. Быстров [и др.]. — Москва : Наука, 2007. — Т. 1 : Рассказы. 1892—1899. — 805 с.
4. Арсеньев, В. Сквозь тайгу / В. Арсеньев. — Москва : Вече, 2015. — 400 с.
5. Галин, Б. А. Чудесная сила : очерки / Б. А. Галин. — Москва : Советский писатель, 1954. — 496 с.
6. Ганчави, Н. Хусрав ва Ширин / Н. Ганчави. — Душанбе : Адиб, 1984. — 332 с.

7. Ганчави, Н. Махзан-ул-асрор / Н. Ганчави. — Душанбе : Адиб, 1984. — 356 с.
8. Гаршин, В. М. Из воспоминаний рядового Иванова / В. М. Гаршин. — Москва : Эксмо, 2008. — 196 с.
9. Гончаров, И. А. Обломов : роман / А. И. Гончаров. — Москва : Художественная литература, 1984. — 494 с.
10. Гончаров, И. А. Обрыв : роман / И. А. Гончаров. — Москва : Художественная литература, 1984. — 720 с.
11. Гончаров, И. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. / И. А. Гончаров ; сост. А. Ю. Балакин [и. др.]. — Санкт-Петербург : Наука, 1997. — Т. 1. — 829 с.
12. Гончаров, И. А. Фрегат «Паллада» / И. А. Гончаров. — Москва : Наука, 1986. — 879 с.
13. Горький, М. Собрание сочинений : в 25 т. / М. Горький. — Москва : Наука, 1968. — Т. 1. — 756 с.

14. Григорович, Д. В. Неудавшаяся жизнь / Сочинения. В 3 т. Т. 1. Повести и рассказы (1844—1852) / Д.В. Григорович ; сост., подгот. текста и коммент. А. Макарова. — Москва : Художественная литература, 1988. — С. 29.
15. Гулрухсор, С. Дар анохи сояи худ / С. Гулрухсор. — Москва : Академия, 1998. — 320 с.
16. Дехлави, Х. Куллиет / Х. Дехлави. — Душанбе : Ирфон, 1984. — 521 с.
17. Ибни Ямини Фарюмони. Гулшани адаб. Ёазалиёт / Ибни Ямини Фарюмони. — Душанбе : Ирфон, 1989.
18. Кабир. Лирика / Кабир ; пер с хинди С. Липкина. — Москва : Художественная литература, 1956. — 174 с.
19. Каверин, В. А. Два капитана / В. А. Каверин. — Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1955. — 672 с.

20. Казакова, Р. Ф. Помню. Стихи разных лет / Р. Ф. Казакова. — Москва : Советская Россия, 1974.
21. Классическая восточная поэзия : антология / сост. Х. Г. Короглы. — Москва : Высшая школа, 1991. — 798 с.
22. Крестовский, В. В. Собрание сочинений : в 8 т. / В. В. Крестовский ; под ред. Ю. Л. Ельца. — Москва : Художественная литература, 1990. — Т. 6 : В дальних водах и странах. — 507 с.
23. Куваев, О. М. Тройной полярный сюжет : роман / О. М. Куваев. — Москва : Современник, 1973. — 240 с.
24. Куприн, А. И. Изумруд / А. И. Куприн. — Москва : Детская литература, 1988. — 158 с.
25. Куприн, А. И. Повести и рассказы. Т. 1. Рассказы / А. И. Куприн. — Москва : Художественная литература, 1961. — 551 с.

26. Кутби, К. Газал / К. Кутби. — Душанбе : Ирфон, 1981. — 360 с.
27. Лажечников, И. И. Ледяной дом / И. И. Лажечников. — Смоленск : Смоленское книжное издательство, 1955. — 312 с.
28. Лаптев, Ю. Заря / Ю. Лаптев. — Москва : Московский рабочий, 1948.
29. Лермонтов, М. Ю. Измаил-Бей / М. Ю. Лермонтов. — Москва : Лань, 2013.
30. Лермонтов, М. Ю. Мцыри : поэма / М. Ю. Лермонтов. — Москва : Художественная литература, 1984. — 32 с.
31. Лидин, В. Г. Люди и встречи / В. Г. Лидин. — Москва : Советский писатель, 1961. — 414 с.
32. Лирика : из перс.-тадж. поэзии / сост. А. Хакимова. — Москва : Художественная литература, 1987. — 469 с.
33. Лоик Ш. Резаборон / Ш. Лоик. — Душанбе : Ирфон, 1986. — 312 с.

34. Малышкин, А. Севастополь / А. Малышкин. — Москва : Вече, 2014. — 352 с.
35. Мамин-Сибиряк, Д. Н. Собрание сочинений: Горное гнездо. Уральские рассказы / Д. Н. Мамин-Сибиряк. — Москва : Правда, 1958. — 312 с.
36. Мариенгоф, А. Б. Витрина Сердца : стихи / А. Б. Мариенгоф. — Пенза : Стожары, 1918. — 215 с.
37. Марков, Г. Сибирь : роман : в 2 т. / Г. Марков. — Москва : Художественная литература, 1981. — С. 42.
38. Островский, А. Н. Не было ни гроша, да вдруг алтын / А. Н. Островский. — Москва : Искусство, 1949. — 115 с.
39. Памятники литературы Древней Руси : в 11 т. / под общ. ред. Л. А. Дмитриевой, Д. С. Лихачева. — Москва : Художественная литература, 1978—1989.

40. Парнов, Е. Ларец Марии Медичи : роман / Е. Парнов. — Москва : Амфора, 2011. — 474 с.
41. Паустовский, К. Г. Корзина с еловыми шишками : рассказы и сказки / К. Г. Паустовский. — Москва : Махаон, 2004. — 128 с.
42. Полонский, Я. П. Старый сазандар / Я. П. Полонский. — Москва : Лань, 2013.
43. Пушкин, А. С. Каменный гость / А. С. Пушкин // Собр. соч. : в 10 т. / А. С. Пушкин. — Москва : [б. и.], 1986. — Т. 3. — С. 362—393.
44. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин. — Москва : Наука, 1956.
45. Распутин, В. Живи и помни / В. Распутин. — Москва : Эксмо, 2015. — 288 с.
46. Рахимзода, Б. Хадяхои Терек / Б. Рахимзода. — Душанбе : Ирфон, 1986. — 412 с.

47. Руми, Дж. Газалиёт / Дж. Руми. — Душанбе : Ирфон, 1986.— 311 с.
48. Самадов, А. Паррончакхо / А. Самадов. — Душанбе : Адиб, 1982. — 332 с.
49. Самадов, А. Сипох /А. Самадов. — Душанбе : Адиб, 1982. — 367 с.
50. Славникова, О. А. Легкая голова : роман / О. А. Славникова. — Москва : АСТ : Астрель, 2010. — 412 с.
51. Смеляков, Я. В. Стихи / Я. В. Смеляков. — Москва : Художественная литература, 1967. — 767 с.
52. Сологуб, Ф. Мелкий бес. Стихотворения. Рассказы. Сказочки / Ф. Сологуб. — Москва : Олимп, 2000. — 592 с.
53. Солоухин, В. А. Владимирские проселки / В. А. Солоухин. — Москва : Художественная литература, 1958.
54. Сомов, О. М. Киевские ведьмы / О. М. Сомов // Киевские ведьмы : фантаст. повести первой трети XIX века / сост. О. М. Мед-

- ведева. — Москва : [б. и.], 1996. — С. 191—204.
55. Сорбон, А. Чўги / А. Сорбон. — Душанбе : Ирфон, 1986.
56. Спивакова, Сати. Не все / С. Спивакова. — Москва : Вагриус, 2002.
57. Степанов, А.Н. Порт-Артур / А. Н. Степанов. — Москва : Советская Россия, 1978.
58. Табрези. Мехр ва муштари / Табрези. — Душанбе : Адиб, 1974. — 401 с.
59. Телешов, Н. Записки писателя / Н. Телешов. — Москва : Художественная литература, 1948.
60. Тендряков, В. За бегущим днем : роман / В. Тендряков. — Москва : Молодая гвардия, 1960. — 426 с.
61. Толстой, Л. Н. Анна Каренина : роман / Л. Н. Толстой. — Москва : Художественная литература, 1974. — 766 с.

62. Толстой, Л. Н. Война и мир : роман : в 2 кн. / Л. Н. Толстой. — Москва : Художественная литература, 1976.
63. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. / Л. Толстой. — Москва : Художественная литература, 1979. — Т. 3. — 464 с.
64. Тургенев, И. С. Собрание сочинений : в 12 т. / И. С. Тургенев. — Москва : Художественная литература, 1976. — Т. 2 : Рудин. Дворянское гнездо. — 482 с.
65. Турсун, С. Киссаи марди гахворасоз / С. Турсун. — Душанбе : Маориф, 1982. — 443 с.
66. Турсун, С. Серузи як бахор / С. Турсун. — Душанбе : Ирфон, 1985.
67. Тютчев, Ф. И. Лирика. Стихотворения 1824—1873 / Ф. И. Тютчев. — Москва : Проспект, 1986. — 345 с.
68. Тынянов, Ю. Н. Собрание сочинений : в 3 т. / Ю. Н. Тынянов. — Москва : Вагриус, 2005. — Т. 1 : Рассказы. — 608 с.

69. Фадеев, А. Разгром. Молодая гвардия / А. Фадеев. — Москва : Художественная литература, 1968. — 821 с.
70. Федоров, Е. А. Каменный пояс : роман-трилогия : в 3 кн. / Е. А. Федоров. — Фрунзе : Кыргызстан, 1998.
71. Фирдавсӣ, А. Шоҳнома. Ч. 1—9 / А. Фирдавсӣ. — Душанбе : Адиб, 2007. — 1416 с.
72. Форш, О. Одеты камнем / О. Форш. — Москва : Астрель, 2011.
73. Френсис, Дик. Фаворит / Дик Френсис ; пер. с англ. С. Болот на и Т. Сикорской // Английский детектив. — Москва : Правда, 1983.
74. Хироти. Осори Мунтахаб / Хироти. — Душанбе : Адиб, 1996. — 420 с.
75. Цветаева, М. И. Собрание сочинений : в 7 т. / М. И. Цветаева. — Москва : Эллис Лак, 1994. — Т. 6.
76. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Сочинения. Т. 2. Раз-

- мазня / А. П. Чехов. — Москва : Наука, 1983. — 320 с.
77. Чоми, А. Силсилат-уз-захаб / А. Чоми. — Душанбе : Адиб, 1974. — 521 с.
78. Шамси, Табреси. Газалиет / Табреси Шамси. — Душанбе, 1985.
79. Шерози, С. Бўстон / С. Шерози. — Душанбе : Адиб, 1984. — 338 с.
80. Шолохов, М. А. Тихий Дон : роман / М. А. Шолохов // Собр. соч. : в 8 т. / М. А. Шолохов. — Москва : [б. и.], 1957. — Т. 3. — 407 с.
81. Шукшин, В. М. Любавины / В. М. Шукшин. — Москва : Художественная литература, 1991. — С. 35.
82. Fransis, Dick. Dead Cert. / Dick Fransis. — London, Sydney : PAN BOOKS, 1980.

Научное издание

ТИЛЛОЕВА САОДАТ МАХМАДКУЛОВНА

**Переводческие аспекты сопоставительного
изучения лексики (на материале
разноструктурных языков)**

Монография

Уральский государственный педагогический университет
620091, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.
E-mail: uspu@uspu.ru